

Священникъ **Е. В. Сосухцовъ.**
.....

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ ШКОЛѢ.

Изъ бесѣдъ съ учащими на земскихъ педагогическихъ курсахъ 1912 г., въ гг. Симбирскѣ и Оханскѣ.

КАЗАНЬ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1913.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ **Анастасій.**

Религія въ школь и въ жизни.

Законъ Божій занимаетъ первое мѣсто въ программѣ всякой начальной и средней русской школы. Но это первенство само по себѣ не обезпечиваетъ успѣха дѣла. Этотъ успѣхъ создается не программами, не бумагой, а живыми людьми. Нравственное вліяніе самая великая сила въ мірѣ, но для дѣйствія этой силы со стороны одной личности на другую необходимо одушевленіе своимъ дѣломъ воздѣйствующаго. Очень не далеко отъ насъ то время, когда большинство школьныхъ дѣятелей съ увлеченіемъ настаивало на необходимости изгнанія изъ школы преподаванія закона Божія, какъ предмета бесполезнаго и во многомъ вреднаго. Многіе утверждали это положеніе не на основаніи собственнаго опыта, не какъ результатъ собственной работы мысли и чувства, а съ чужого голоса.

Порвавши цѣпи чрезмѣрно стѣснительной опеки, не окрѣпшая еще русская мысль бросилась на разрушеніе всего, что прежде считалось неприкосновеннымъ. Какъ буйный ураганъ мѣшаетъ съ грязью и зрѣлое зерно и нѣжный цвѣтокъ, такъ и порывъ разрушительнаго направленія въ недавнемъ прошломъ старался ниспровергнуть все, что было создано исторически, только по одному тому, что оно почиталось въ прошломъ. Но ни какой взрывъ не можетъ уничтожить того, что по самой своей природѣ несокруσιμο. Истина вѣчна, хотя усвоеніе ея человѣчествомъ совершается путемъ медленнаго движенія съ временными частичными уклоненіями въ сторону заблужденія. На землѣ видимо растетъ зло, но совершенствуется и добро. Это добро, понимаемое ложно лишь временами, привлекаетъ на свою сторону людей во всѣхъ стадіяхъ духовнаго роста человѣчества. Частица истины и добра присуща каждому ученію, каждой теоріи, и чѣмъ искуснѣе выставляется эта частица истины на видъ, тѣмъ скорѣе доктрина привлекаетъ къ себѣ любовь большинства. Увлеченіе голымъ зломъ есть удѣлъ лишь духовъ злобы, въ человѣкѣ же, хотя бы онъ былъ признаннымъ зло-

дѣмъ, таится искра добра, благодаря которой даже отверженный преступникъ привлекаетъ къ себѣ сожалѣніе другихъ людей. Здѣсь воплѣ примѣнимы слова поэта, хотя и сказанныя въ другомъ смыслѣ:

Такъ храмъ разрушенный—все храмъ,

Кумиръ поверженный—все богъ.

Невозможно отрицать истинность тѣхъ мыслей и тѣхъ идей, которыми люди жили прежде насъ потому лишь, что эти идеи новы. Насколько неправильно отнесеніе золотого вѣка человечества въ даль вѣковъ, ведущее къ угнетенію всего новаго, молодого, настолько же неистинно полное отрицаніе тѣхъ основъ, на которыхъ выросла современная культура. Нашъ вѣкъ необычайно высоко цѣнитъ свои успѣхи въ различныхъ областяхъ знанія, забывая, что настоящее время отличается отъ прошлыхъ вѣковъ не качественно, а количественно. Всѣ завоеванія современной науки и успѣхи современной техники въ идеѣ предносились въ умахъ наиболѣе даровитыхъ представителей человечества назадъ тому не одно столѣтіе. Лишь осуществленіе этихъ идей, ихъ техническое примѣненіе совершается въ настоящую пору. Наше время богато не замысломъ, не полетомъ воображенія, а матеріализаціей, полезнымъ примѣненіемъ результатовъ многовѣковой работы человеческой мысли. Отъ возвышеннаго, отъ небеснаго въ наше время человеческій геній обратился къ земному, къ внѣшнимъ удобствамъ, и теперь развивается борьба не за истину, даже не за существованіе, а за удвольствія. Но заглушить высшихъ потребностей духа не можетъ и эта головокружительная погоня за пріятными моментами наслажденій.

Религія у всѣхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія, считается наивысшей цѣнностью. Этотъ фактъ отвергается и можетъ отвергаться лишь при предвзятости сужденій, и его необходимо принимать во вниманіе при всякомъ критическомъ разсмотрѣніи прошлаго и при желаніи создать новыя нормы человеческой жизни. Каждый ученый непременно старается составить свою систему воззрѣній на міръ и на соотношеніе всѣхъ существъ міра, но часто при этомъ вопросъ рѣшается т. н. обывательскимъ способомъ, а не научнымъ. Утверждать, что всякое религіозное вѣрованіе представляетъ собою пережитокъ дикости человечества, его неумѣнія правильно и до конца мыслить, слишкомъ смѣло и рискованно.

Религіозное чувство и проявленіе его въ различныхъ внѣшнихъ формахъ присуще не только дикарю, но и высокоразвитому чело-вѣку. Философы древней Греціи при очень скудномъ запасѣ на-учнаго матеріала доходили до такихъ логическихъ построеній, ко-торыя не потеряли значенія и въ настоящее время. Поэтому мысли-тели древности, какъ созидавшіе правильные переходы къ истинѣ съ малыми средствами, никакъ не могутъ быть названы людьми малоразвитыми. Но они, не удовлетворяясь господствовавшимъ въ ихъ пору антропоморфизмомъ, приходили къ мысли о Единомъ, Вѣчномъ, Разумномъ и Безграничномъ, хотя и Невѣдомомъ имъ. Допустимъ, что Сократъ, Платонъ и Пифагоръ менѣе развиты, чѣмъ современный гимназистъ, какъ утверждаютъ современные воспѣва-тели науки, пусть они для нашего времени потеряли все свое обаяніе, а ихъ мнѣнія всякое значеніе. Тогда намъ придется спро-сить мнѣнія современныхъ намъ ученыхъ относительно права на существованіе религіи. Это дѣло исполнилъ недавно на нашихъ глазахъ нѣкто Арт. Г. Табрумъ, который въ 1911 г. выпустилъ по этому вопросу отдѣльную книгу подъ названіемъ: *Религіозныя въ-прованія современныхъ ученыхъ*. Въ этой книгѣ авторъ гово-ритъ, что онъ обратился къ выдающимся химикамъ, физикамъ, біологамъ, зоологамъ, астрономамъ и медикамъ Англии и Америки съ двумя вопросами:

1) Существуетъ ли дѣйствительно противорѣчіе между фактами науки и основными положеніями христіанства и 2) Приводилось ли адресатамъ встрѣчать въ своей жизни безрелигіозныхъ и враждебныхъ христіанству ученыхъ. На запросъ Г. Табрума откликну-лись 181 представитель современной положительной науки, многіе изъ которыхъ имѣютъ всемірную извѣстность. Было бы слишкомъ обременительно приводить всѣ письма, занимающія въ общей слож-ности 150 страницъ обычнаго книжнаго текста, а потому доста-точно ограничиться лишь нѣкоторыми. Знаменитый американскій натуралистъ Голландъ пишетъ, что на его долю «выпало счастье имѣть широкое знакомство съ учеными всѣхъ странъ и ему хорошо извѣстно, что огромное большинство его знакомыхъ ученаго круга—люди благоговѣйные и благочестивые, не усматривающіе въ фак-тахъ науки ничего сталкивающегося съ ихъ вѣрою въ наличность Высшей Силы, ведущей насъ къ праведности, Силы, въ Которой мы живемъ, движемся и существуемъ». Самъ Голландъ относительно

того, что будто современные научныя изысканія обнаружили заблужденія Библии и религіи, говорить какъ объ утвержденіи совершенно неправильномъ (стр. 145, 146). Математикъ Ламбъ, проф. Манчестерскаго университета, пишетъ: «никто изъ настоящихъ ученыхъ не относится къ нападеніямъ на религію иначе, какъ съ величайшимъ отвращеніемъ», и онъ свидѣтельствуеъ, что «многіе изъ новѣйшихъ величайшихъ ученыхъ были религіозны въ лучшемъ смыслѣ этого слова» (стр. 108). Одинъ изъ корреспондентовъ говоритъ, что «изъ всѣхъ людей настоящей ученый, какъ неизбѣжно смиреннѣйшій изъ смертныхъ, есть вмѣстѣ религіознѣйшій человекъ, такъ какъ великіе учителя науки почти всегда благочестивы и полны вѣры». Великій физикъ Стоксъ, будучи вѣрующимъ самъ, оставилъ выразительное свидѣтельство, что извѣстные ему ученые первой величины, къ какимъ относятся всѣмъ міромъ прославленные Фарадэй, Максвеллъ, Адамсъ, были людьми глубокихъ религіозныхъ убѣжденій. Вообще же откликнувшійся значительный полкъ независимыхъ ученыхъ двухъ просвѣщенныхъ странъ, говоритъ о томъ, что невѣріе есть удѣлъ мелкихъ величинъ въ наукѣ, обозначаго аррьергарда въ научномъ лагерѣ, но не тѣхъ, для кого активный научный трудъ составляетъ истинную жизненную задачу. Нападки же людей незначительныхъ въ наукѣ учеными высшаго ранга объясняются или умственной лѣнностью, или отсталостью отъ вѣка. Въ примѣръ такой отсталости приводится недавній кумиръ большой публики Геккель. Его взгляды и убѣжденія сложились въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда господствовалъ въ наукѣ грубый матеріализмъ. Съ прежними взглядами Геккель остался и до настоящей поры, переживъ такимъ образомъ самого себя и свое научное значеніе.

Но для послѣдовательнаго мыслителя авторитетъ ученыхъ хотя бы всего міра не имѣетъ непререкаемаго значенія. Со стороны противниковъ религіи возводится на нее тяжкое обвиненіе въ противодѣйствиіи всякому прогрессу человѣчества. Такое обвиненіе основывается на томъ соображеніи, что религія въ своихъ истинахъ и положеніяхъ покоится не на постоянномъ успѣхѣ человеческого знанія, а на преданіяхъ древности, при чемъ послѣдняя имѣетъ наибольшее значеніе въ догматическихъ вопросахъ. Въ этомъ обвиненіи правильно лишь утвержденіе о преемственности религіознаго ученія, и эта истина привлекаетъ къ себѣ сторонни-

ковъ, сбивающихся въ дальнѣйшемъ съ правильной дороги. Въ сохраненіи древняго Божественнаго откровенія и заключается значеніе религіи для человѣка, какъ высшей цѣнности. Въ религіозно-нравственномъ ученіи неизмѣнно сохраняется то, что дѣйствительно вѣчно по своей истинности. Все же временное постоянно улучшается и совершенствуется. Богооткровенное ученіе до Христа шло по пути прогресса, люди получали черезъ провозрѣстниковъ воли Божіей все новыя и новыя откровенія. Христосъ же возвѣстилъ истину въ такой полнотѣ, какая только возможна для земли. Прогрессъ въ христіанской религіи можетъ заключаться лишь въ воплощеніи истины, въ проведеніи ея, какъ жизненнаго начала всѣхъ человѣческихъ отношеній. Никто не обвиняетъ математику въ противодѣйствіи прогрессу за ея аксіомы. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ люди признають, что прямая—кратчайшее разстояніе между точками, что часть меньше своего цѣлаго, что двѣ величины равныя одной и той же третьей равны между собой. Почему же религія противодѣйствуетъ прогрессу, уча о духовности и личномъ бытіи Бога, о безсмертіи души, объ отвѣтственности человѣка за свои дѣла и намѣренія. Религія всегда осуждала все ложное и тѣмъ не препятствовала, а содѣйствовала истинному прогрессу, удерживая человѣчество отъ скитанія по кривымъ извилинамъ зла.

При этомъ нельзя смѣшивать религію съ ея служителями. Люди всегда могли и могутъ заблуждаться и выдавать свои мысли за откровеніе самой Истины, а если они при этомъ обладаютъ властью, то и могутъ якобы во имя Бога препятствовать развитію истины въ умахъ людей. Средневѣковое богословіе присвоило себѣ единственное право на познаніе истины и выдавало свои теоріи за богооткровенное ученіе, а народная темнота создала множество всевозможныхъ суевѣрій и предрасудковъ. Но въ этомъ повинна не религія, а самомнѣніе людей. Вѣдь и представители науки никогда не были чужды суевѣрій и заблужденій и не воздерживались отъ преслѣдованій несогласныхъ съ ихъ теоріями изслѣдователей истины. Проповѣдники свободы сами часто вставали въ противорѣчіе съ собой и гнали истину.

Извѣстный Гальвани за свое открытіе въ области электричества подвергся жестокимъ осужденіямъ ученыхъ современниковъ и получилъ отъ нихъ презрительное названіе «лягушечьяго танцмейстера». Гарвей, открывшій кровообращеніе въ живомъ орга-

низмъ, подвергся преслѣдованію не со стороны инквизиціи, какъ можно было бы ожидать, а со стороны ученыхъ людей, находившихъ мысль Гарвея сумасбродной и не соответствующей научнымъ даннымъ. Изобрѣтеніе Фультономъ парохода подверглось осмѣянію со стороны членовъ французской академіи наукъ, какъ невозможное математически. Знаменитый Реомюръ приостановилъ печатаніе сочиненія Прейсонеля о принадлежности полиповъ къ животному царству. Знаменитый Араго былъ поднятъ на смѣхъ въ академіи за проектъ электрическаго телеграфа. Въ совсѣмъ недавнее время Кюри претерпѣлъ не мало отъ ученыхъ за свое открытіе радія. Примѣровъ преслѣдованія учеными истины можно привести не мало, и, ограничиваясь въ настоящемъ мѣстѣ перечисленными, мы отсылаемъ желающихъ узнать объ этомъ подробнѣе къ книгѣ Дюпреля *Монистическое ученіе о душѣ*, гдѣ собрано достаточное количество свидѣтельствъ о суетности ученыхъ. Однако никому и въ голову не приходитъ только по этому обвинять самую науку во лжи, въ препятствіи прогрессу, въ устарѣлости. Отрицать положительную науку по другимъ соображеніямъ возможно, какъ это сдѣлалъ графъ Л. Толстой, но никто и никогда не обвинялъ ее въ противодѣйствіи прогрессу за грѣхи ея представителей.

Въ нихъ повинны люди, считавшіе свои системы за послѣднее слово знанія, точно также неповинна религія въ преслѣдованіи людьми своихъ собратій. Костры инквизиціи, схоластическіе, мертвящіе живую мысль трактаты средневѣковыхъ теологовъ, ученіе о воцареніи антихриста, какъ давно совершившемся фактъ и т. п. вымыслы также мало относятся къ религіи, какъ клеветническія выходки беззубаго напудренного академика къ астрономіи. Истинная религія чиста и свѣтла, и истинность ея постепенно одерживаетъ побѣду надъ ложью и заблужденіями въ пониманіи людей.

Въ душѣ cadaго челоѵка таится сознаніе зависимости отъ высшаго Существа. Къ Нему стремится каждая челоѵческая душа, какъ маленькая пылинка тяготѣетъ къ большому тѣлу, какъ каждый стебелекъ тянется къ свѣту, къ солнцу. Это стремленіе челоѵка къ высшему Существому, не всегда сознаваемое и не всегда ясно ощущаемое, называется религіознымъ чувствомъ, а проявленіе его въ признаніи извѣстнаго круга ученія о Немъ—религіей, въ самомъ общемъ смыслѣ.

Каждому человѣку, хотя бы однажды въ теченіе своей жизни, суждено пережить такое томительное состояніе, когда всѣ чувства, всѣ желанія летятъ куда то въ неизвѣстную даль. Когда душа хочетъ чего то неизвѣданнаго, тоскуетъ и не находитъ удовлетворенія ни въ чемъ земномъ. Въ эти мучительно-сладостныя минуты всѣ обычные интересы представляются ничтожными, пошлыми, надоеливо-несносными. Душа словно готова отрѣшиться отъ тѣла и летѣть прочь отъ земли, въ область мерцающихъ звѣздъ, въ пучину бездонной синевы небесъ, въ безграничность прозрачнаго эфира. Все обыденное, все будничное въ эти мгновенья тяготитъ человѣка, ему дорого уединеніе, ему желанна тогда тишина и уединеніе.

Люблю въ часъ полночи чудесной,
Когда всѣ въ домѣ мирно спятъ,
Смотрѣть по долгу въ сводъ небесный,
Гдѣ звѣзды золотомъ горятъ.
Понятно мнѣ въ минуты эти,
Когда душа стремится вдаль,
Что нѣчто лучшее есть въ свѣтѣ,
Чѣмъ наша радость и печаль.

Это состояніе души, удрученной сутолкой жизни, утомительнымъ однообразіемъ мелочныхъ потребностей и интересовъ и жаждущей полета къ горнему міру, у нѣкоторыхъ людей проявляется лишь однажды въ теченіе всей жизни, у другихъ повторяется неоднократно, у нѣкоторыхъ же становится господствующимъ настроеніемъ навсегда и ведетъ человѣка къ постоянной созерцательности. Стремленіе души къ Богу, исканіе Его съ особенной отчетливостью выражалось въ идеальныхъ натурахъ всѣхъ временъ, на различныхъ ступеняхъ умственного и нравственного развитія, и для нихъ это исканіе кончалось успокоеніемъ въ Богѣ, посвященіемъ себя на безотчетное служеніе Богу и благу человѣчества. Вотъ въ какихъ чертахъ изображается обращеніе къ Богу одного изъ лучшихъ христіанскихъ писателей по искренности и задушевности его твореній, блаженнаго Августина.

Утомившись исканіемъ земной славы, чувственными удовольствіями и развлеченіями, Августинъ удалился изъ города. Предъ закатомъ солнца онъ ходилъ по берегу моря. Его походка, его взоры и вся фигура выражали все его душевное волненіе и без-

покойство. Предъ нимъ же во всемъ своемъ великолѣпіи разсти-
лось необъятное море, съ величественно вздымавшимися на немъ
волнами. «О, море,» вскричалъ порывисто Августинъ, «о, природа,
не ты ли мой Богъ?. Не ты ли можешь дать мѣръ и покой моей
душѣ?»... Но волны бушевали и какъ бы въ отвѣтъ Августину го-
ворили: «ищи Того, Кто выше насъ, ищи Того, Кто выше насъ.
Не мы твой Богъ, не мы, золото и наслажденіе, и вся природа,
нѣтъ, мы только Его твореніе. Мы не можемъ дать твоему сердцу
мира и покоя; ищи своего Бога выше, ищи выше». Мало-по-малу
солнце закатилось за горизонтъ, и тысячи яркихъ звѣздъ забле-
стѣли на безоблачномъ небѣ. Августинъ устремилъ глаза свои
вверхъ, на ту чудную красоту, которая во всемъ блескѣ сіяла надъ
его головой и воскликнулъ». «Да, звѣзды. Вы мой Богъ. Можете
ли дать моему сердцу мѣръ и покой?» Но въ отвѣтъ ему тогда же
послышался слѣдующій голосъ: «не мы твой Богъ, мы только Его
твореніе. Никакая сотворенная красота не можетъ дать мѣра и
покоя твоему сердцу. Ищи Бога выше насъ, ищи выше насъ». Тогда
Августинъ душой возносится выше всей природы, выше всего
сотвореннаго, прямо къ престолу Божію. И теперь онъ уже не
спрашиваетъ болѣе: «Ты ли мой Богъ», а преклоняется предъ
Нимъ. Въ его сердце сходитъ мѣръ и покой.

Минуты священнаго восторга, чувство близости къ Богу не
покидаетъ пережившаго это чувство съ достаточной силой чело-
вѣка, не покидаетъ въ теченіе всей его жизни и остается въ душѣ,
хотя бы въ видѣ неяснаго, не вполне сознаваемаго томленія, осо-
бенно жуткой тоски и священнаго трепета. Эта мысль образно вы-
ражена Лермонтовымъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Ангель».

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ.
И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ.
О Богъ великомъ онъ пѣлъ,
И хвала его непритворна была...
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для мѣра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не мгли
Ей грустныя пѣсни земли.

Религіозное чувство такъ же присуще каждому человѣку, какъ и чувство голода. Но голодъ, какъ потребность низшая, рабская, подлежащая исключительно законамъ внѣшней необходимости, ощущается всякимъ живымъ существомъ тотчасъ послѣ рожденія и доставляетъ большія страданія, нежели чувство стремленія къ свободѣ, покоящейся для человѣка въ Богѣ. На пробужденіе и правильное развитіе этой высшей потребности въ человѣкѣ, кромѣ прирожденности, оказываетъ значительное вліяніе воспитаніе.

Это вліяніе сказывается и положительнымъ и отрицательнымъ образомъ. Подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ старшихъ въ дѣтяхъ заглушаются задатки чувства любви и преданности Богу. Непереобремененный дѣтскій духъ наиболѣе воспріимчивъ къ небесному, къ высшему, равно какъ въ немъ можетъ быть и заглушено это несознанное еще стремленіе. Несравненно легче сохранить человѣку то, что онъ имѣетъ, нежели найти потерянное. Поэтому большинство людей, не воспитавшихъ въ себѣ чувство вѣры въ Бога въ дни своей юности, остаются на всю жизнь безпріютными скитальцами на землѣ. Нѣтъ у нихъ въ жизни твердой опоры, нѣтъ надежнаго прибѣжища, нѣтъ могучей помощи. Человѣкъ или утратившій вѣру въ Бога, или невоспитанный въ ней жаждетъ вѣры, но не имѣетъ силы сказать: Господи, помоги моему невѣрію.

Задача воспитанія въ человѣкѣ вѣры, какъ силы, способной вести человѣка къ общему, а черезъ это и къ личному благу, лежитъ на обязанности взрослого поколѣнія посредствомъ и наученія, и примѣра собственной жизни. Жизнь въ настоящую пору складывается такъ, что воспитаніе дѣтей ведется не столько родителями, сколько отдѣльными людьми, для которыхъ учебно-воспитательное дѣло служитъ профессіей. Поэтому религіозно-нравственное воспитаніе составляетъ задачу не только родителей, но и обязанность школы. Школа въ примѣненіи каждаго предмета преподаванія стремится къ двумъ цѣлямъ—учебной и воспитательной. Послѣдняя цѣль является главной, а вторая лишь служебной.

Въ настоящее время все сильнѣе и настойчивѣе отвергается значеніе изученія вѣроученія въ школѣ. Защитники безрелигіознаго

обученія смѣло заявляютъ, что для жизни въ добрѣ не имѣеть никакого значенія знаніе или незнаніе такихъ истинъ, какъ вѣчность, вездѣсущіе, неизмѣняемость Божества, Троичность Лиць и другихъ догматовъ христіанства. Изученіе ихъ, какъ недоступныхъ человѣческому пониманію, ничего не можетъ дать человѣку, кромѣ вреднаго обремененія памяти и пониженія умственной способности учащихся. Можно быть нравственнымъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о догматахъ и наоборотъ, вполне возможна полная безнравственность при всестороннемъ знаніи догматическаго ученія. Суть христіанства, говорятъ защитники безрелигіознаго обученія, не въ догматической, а въ нравственной сторонѣ.

Въ этомъ заявленіи истинно утвержденіе, что можно быть безнравственнымъ при обладаніи всестороннимъ знаніемъ, и даже вѣрой; можно добавить къ этому, что бѣсы вѣрують и трепещуть, но дальнѣйшія утвержденія далеки отъ истины, и зависятъ отъ неимѣнія религіознаго опыта у сторонниковъ подобныхъ соображеній. Что вѣрованія отражаются на поступкахъ человѣка, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вѣритъ человѣкъ въ то, что онъ считаетъ наилучшимъ, къ чему стремятся всѣ его желанія, въ чемъ покоятся всѣ его симпатіи. Гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. Эта истина, имѣющая приложеніе къ обыденной жизни, еще болѣе примѣнима и къ жизни человѣческаго духа въ его наивысшихъ проявленіяхъ.

Язычникъ, поклонявшійся ограниченнымъ и не рѣдко кроваважатымъ капризнымъ божествамъ, приносившій ради умиловленія ихъ своихъ враговъ, а иногда и дѣтей, не могъ достигнуть той нравственной высоты, которая можетъ быть присуща истинному служителю Бога истины. Слуга лживыхъ, вѣроломныхъ, коварныхъ божковъ не могъ отличаться честностью и добросовѣстностью по отношенію къ своимъ ближнимъ, такъ какъ онъ возводилъ въ добродѣтель обманъ, ложь, измѣну. Онъ обманывалъ и самихъ боговъ, и своихъ ближнихъ. Почитатель грозныхъ деспотическихъ божествъ не могъ отличаться мягкостью, любовью и состраданіемъ къ обездоленнымъ и страждущимъ, такъ какъ онъ возводилъ на высоту произволъ сильной личности надъ всѣмъ слабымъ и угнетеннымъ, находя въ страданіяхъ другого свое наслажденіе. Руководящая мудрость поклонника языческаго религіознаго міровоззрѣнія: падающаго подтолкни. Жестокость восточныхъ властителей

общеизвѣстна, и новѣйшія раскопки въ Ассиріи и Вавилонѣ рисуютъ очень яркими красками услажденія сильнаго человѣка страданіями другихъ. Ассирійскіе цари ставили себѣ памятники съ довольно подробнымъ описаніемъ своихъ звѣрствъ по отношенію къ побѣжденнымъ врагамъ. Царь Санхерибъ ставитъ колонну и пишетъ на ней въ назиданіе потомству: «Я взялъ города приступомъ и превратилъ ихъ въ груды пепла... Я, какъ метлою, вымелъ страну и превратилъ ее въ пустыню». Документъ, извѣстный подъ именемъ цилиндра Тэйлора, гласитъ: «Мои военные колесницы давили людей и животныхъ и топтали трупы враговъ. Изъ труповъ, которымъ отрѣзывали конечности, я воздвигалъ себѣ трофеи. Всѣмъ, кого попадался мнѣ живымъ, я приказывалъ отрѣзывать руки». Ассурбанипаль еще съ большимъ услажденіемъ прославляетъ свою жестокость. Онъ приказываетъ начертать на камнѣ: «Онъ попалъ живымъ мнѣ въ руки, я велѣлъ содрать съ него кожу. Я приказалъ вырвать глаза у его сына, но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы бросить ихъ обоимъ собакамъ, я замуровалъ ихъ живыми въ воротахъ солнца въ Ниневіи». Такая жестокость не могла быть свойственна ни греку, ни римлянину, боги которыхъ не почитались какъ свирѣпые деспоты Азіи. Сила, поборающая все, была божествомъ азіатскихъ народовъ, и въ нихъ только могучее я, не знающее никакой преграды, ставившее себя исключительной самоцѣлью, служило идеаломъ нравственнаго сознанія. Въ настоящее время среди американцевъ распространяются культы древней Азіи, не исключая ужасныхъ формъ служенія Ваалу и Молоху, и одновременно съ этимъ возрастаетъ жестокость среди поклонниковъ древнихъ боговъ. Человѣческая нравственность зависитъ въ весьма значительной степени отъ религіозныхъ убѣжденій людей, а сама человѣческая природа, не смотря на огромные успѣхи современной культуры, нуждается въ перерожденіи. Возрожденіе же человѣка возможно при совокупности сильныхъ побудительныхъ причинъ, затрогивающихъ всѣ стороны духовной жизни человѣка. Ни одна только мыслительная способность, ни одно только чувство, ни одна лишь воля не въ состояніи возбудить въ человѣкѣ любви къ слабымъ, состраданія къ страждущимъ и подчиненія своего я интересамъ каждаго ближняго. Для возрожденія необходимо отреченіе отъ самого себя и объединеніе со всѣмъ человѣчествомъ. Для этого объединенія необходимъ одинъ общій и единственный центръ, около

котораго могли бы группироваться люди всѣхъ мѣстъ, всѣхъ временъ и народностей. Для живыхъ разумныхъ существъ этимъ центромъ можетъ быть только живое личное Существо. Только къ своему первообразу можетъ стремиться человѣческая душа, какъ въ мірѣ все стремится къ сродному, къ подобному по качеству. Человѣчество можетъ взаимно сближаться въ любви къ личному Богу. Какъ радіусы круга, постепенно сходясь, сливаются въ центрѣ, такъ и люди взаимно роднятся, стремясь къ Богу.

Безъ вѣры во всемогущаго и благого Бога не можетъ быть подвига со стороны отдѣльныхъ людей, не можетъ быть и настоящей культуры. Стремленіе къ добру присуще каждому человѣку, нравственный инстинктъ составляетъ существенное отличіе человечества отъ всего живого, но дѣланіе добра можетъ находить опору только въ живомъ личномъ Богѣ. Только постоянное сознание присутствія Существа безконечно совершеннаго можетъ дать силу въ борьбѣ со зломъ и неправдой. Вѣдь если добро есть лишь отвлеченное понятіе, если ему ничего не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности, то оно не можетъ ободрить падающаго подъ тягостью ограниченія своихъ стремленій къ наслажденію и произволу. Любить отвлеченную формулу нельзя, какъ нельзя любить безконечное время или пустое пространство. Любить можно личность, и эта любовь способна на величайшее самопожертвованіе, не исключая стремленія отдать любимому свой лучший даръ—жизнь и свободу. Истинная любовь состоитъ не въ желаніи обладать любимымъ, а въ стремленіи отдать себя въ полное подчиненіе ему.

Люди, не знающіе христіанства, упрекаютъ вѣрующихъ въ своекорыстномъ служеніи Богу и ближнимъ, ради ожиданія награды за свои добродѣтели въ будущей жизни, въ стократной мѣрѣ. Это обвиненіе христіанства даетъ поводъ строить выводы о христіанствѣ, какъ о религіи не чуждой своекорыстія. Но въ этомъ утвержденіи правда лишь то, что Богъ не оставитъ безъ награды добродѣтельнаго человѣка, а все дальнѣйшее далеко отъ истины. Основаніе или вопросъ *почему* всей христіанской нравственности покоится въ любви вѣрующихъ ко Христу. Въ своей прощальной возвышеннѣйшей и задушевнѣйшей бесѣдѣ съ апостолами Иисусъ Христосъ сказалъ: Кто меня любитъ, тотъ соблюдетъ мои заповѣди. Кто исполняетъ мои заповѣди, тотъ любитъ меня. Не ожиданіе награды, не себялюбивый расчетъ поставленъ на-

шимъ Спасителемъ за основаніе всей жизни человѣка, а любовь къ совершеннѣйшему Существу, какъ къ воплощенію добра, истины и красоты. И эти слова Спасителя совершенно правильно понимаются христіанами и проводятся ими въ жизни. Св. Григорій Богословъ, учитель и отецъ Церкви 4 в., говоритъ въ одномъ изъ своихъ твореній: въ служеніи Богу различаются три степені: рабство, наемничество и сыновство. Первая степень наблюдается въ мірѣ языческомъ, когда среди людей преобладаетъ боязнь предъ злыми божествами, вторая—когда человѣкъ дѣлаетъ добро ради ожиданія справедливаго воздаянія, третья—есть стремленіе къ добру ради самого Добра, ради источника добра—Отца нашего небеснаго. Если и живутъ на землѣ т. н. христіане съ взглядами рабовъ или наемниковъ, то въ этомъ повинна, конечно, не религія. Только въ личномъ Богѣ человѣкъ можетъ найти опору для нравственности и покой своей душѣ. Т. н. гражданская мораль не можетъ идти дальше страха предъ карой закона. Она возвращаетъ человѣка на низшую ступень нравственности, замѣняя злобное безпощадное божество безжизненнымъ страшнымъ, неумолимо-кровожаднымъ закономъ. Эту стадію человѣчество миновало, и возвращеніе къ ней возможно лишь путемъ насилія, такъ какъ «Къ развѣнчаннымъ святынямъ нѣтъ возврата».

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что и такъ наз. автономная мораль не можетъ замѣнить любви христіанской. Добро, не олицетворяемое въ Богѣ, является для каждаго человѣка продуктомъ его собственной мысли. Нѣтъ мыслящаго—нѣтъ и добра. Такое добро простой самообманъ, фикція. Проводя параллель, съ достаточнымъ основаніемъ можно сравнить отвлеченное понятіе о добрѣ, которому пожелалъ бы служить человѣкъ, съ любымъ божкомъ сибирскихъ инородцевъ. Удачна охота и рыбная ловля, сибирякъ мажетъ своего божка саломъ, неудачна—бьетъ его плетью. Доставляетъ нравственное удовлетвореніе человѣку измышленная имъ нравственность, онъ служитъ ей, мѣшаетъ ему—можно и покончить съ ней

Начатки вѣроученія и основаннаго на немъ нравоученія съ полнымъ правомъ и необходимостью преподаются въ школѣ, такъ какъ всякое добро несравненно сильнѣе дѣйствуетъ на молодую душу. Педагогами подмѣченъ тотъ фактъ, что чтеніе книгъ съ описаніемъ горя, страданій людей, угнетенія и притѣсненія слабыхъ

на учениковъ младшаго возраста не производитъ надлежащаго впечатлѣнія, хотя бы книга была написана первокласснымъ художникомъ слова. Наоборотъ, изображеніе лучшихъ сторонъ человѣческой природы глубоко чувствуется дѣтми даже въ посредственномъ изложеніи. Малютки переживаютъ стадію знанія только одного добра, подобно прародителямъ въ раю, и во всемъ стремятся видѣть только хорошее. Поэтому годы дѣтства являются самымъ удобнымъ временемъ просвѣщенія человѣка свѣтомъ истины евангельской. И весьма важно преподать ее въ этомъ возрастѣ такъ, чтобы она представлена была дѣтямъ не въ видѣ сухой учебы, а въ формѣ живой краткой бесѣды воспитателя съ питомцами. Приобрѣтенныя въ дѣтствѣ знаніе Бога и любовь къ Нему составляютъ сокровище человѣка на всю его послѣдующую жизнь. Взрослый труженникъ, утомленный годами борьбы и волненій, не видя добра ни въ себѣ, ни въ людяхъ, ни въ окружающей его обстановкѣ, обычно ищетъ отрады въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ. И счастье человѣку, если въ его душѣ найдутся хотя бы затоптанные, заброшенные, но живые ростки вѣры въ высшее Добро, всегда живое и животворящее. Далекое прошлое воскреснетъ передъ нимъ и оживетъ въ немъ то святое настроеніе, которое присуще дѣтямъ, и ради котораго имъ принадлежитъ царство небесное.

Поэтъ-интеллигентъ, Некрасовъ, въ такихъ строкахъ выражаетъ свое чувство возврата къ воспоминаніямъ дѣтства при возвращеніи на родину:

Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ...
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ не земной:
«Лови минуты умиленья,
Войди съ открытой головой».
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей.
Тяжеле стоновъ не слышали
Ни римскій Петръ, ни Колизей.
Я внялъ, я дѣтски умилился
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старья челомъ (*Тишина*).

И это говоритъ человѣкъ извѣденный сомнѣніями, отрицаніемъ всего, не основаннаго на разумѣ.

Не мало можно привести подобныхъ признаній со стороны людей, извѣдавшихъ глубины человѣческой мудрости и сказавшихъ послѣ всего съ Соломономъ: все суета и томленіе духа. Люди, получившіе истинно-религіозное воспитаніе въ дѣтствѣ, въ теченіе всей своей жизни сохраняютъ на себѣ отпечатокъ особой мягкости въ отношеніяхъ съ ближними и посторонними.

Въ наше время многіе уходятъ отъ Христа, не смотря на всѣ старанія руководителей ко Христу. Но и это явленіе не можетъ отнимать ревность у преподавателя закона Божія въ школѣ. Отъ Христа многіе уходили и во время Его земной жизни, не смотря на обаятельность и возвышенную красоту Его нравственнаго облика, не смотря на силу Его проповѣди. Въ мірѣ всегда были мертвые и живые, но не первымъ принадлежитъ будущее. Наученіе вѣрѣ и жизни подвигъ, но онъ самъ въ себѣ несетъ и награду трудящемуся.

Въ стихотвореніи А. Толстого *Богатырь* есть такія строки:

Сидѣлъ надъ картиной художникъ,
Онъ Божию Матерь писалъ,
Любилъ, какъ дитя, онъ картину,
Онъ ею и жилъ, и дышалъ.
Впередъ подвигалось дѣло,
Порой на него съ полотна
Съ улыбкой Святая глядѣла,
Его ободряла Она.

Художественное прозведеніе, научный трудъ, поэтическое созданіе имѣютъ способность ободрять трудящагося, но въ значительно меньшей мѣрѣ, нежели живое существо. Постепенное превращеніе ребенка въ доброе, разумное, Божье созданье вполне способно дать бодрость духа и доставить утѣшеніе воспитателю. Мало добра на землѣ, люди устаютъ въ борьбѣ со зломъ, но не злу принадлежитъ будущность. Добро облакается зломъ, но изъ огромныхъ наслоеній зла блестятъ свѣтлыя крупинцы добра, словно твердый алмазь свѣтится въ толщѣ рыхлой породы. Все тлѣнное, все мертвенное погибнетъ, и останутся только истина и любовь.

Другъ мой, братъ мой, усталый страдающій братъ.
Кто бы ты ни былъ, не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбить и поруганъ святой идеаль,
И струится невинная кровь.
Вѣрь, настанетъ пора, и погибнетъ Ваальъ,
И вернется на землю любовь (*Надсонъ*).

Для преподавателя христіанской вѣры надежда на лучшее будущее покоится въ самомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, показавшемъ высшій примѣръ любви. Христосъ душу свою отдалъ за враговъ своихъ, а всѣ вѣрующіе въ Него братія Ему. Вѣра Христова есть побѣда, побѣдившая міръ, съ нею и насадитель ея между людьми не будетъ побѣжденъ.

Воспитательная сторона преподаванія Закона Божія.

Задача просвѣщенія заключается въ правильномъ гармоническомъ развитіи всѣхъ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа. Эта задача должна входить въ планъ преподаванія всѣхъ предметовъ школы, и законъ Божій, какъ одинъ изъ предметовъ школьнаго преподаванія, долженъ находиться въ самой тѣсной связи со всѣми прочими предметами курса. Школа имѣетъ своей цѣлью воспитать всего человѣка, а не только нѣкоторыя изъ его способностей, въ противномъ случаѣ дѣло образованія можетъ свестись къ привитію лишь нѣкоторыхъ практическихъ навыковъ, не имѣющихъ никакого нравственнаго значенія.

При современной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла господствуетъ полная разрозненность въ преподаваніи различныхъ предметовъ курса. Урокъ ариѳметики не имѣетъ ничего общаго съ урокомъ чистописанія, объяснительное чтеніе слишкомъ далеко отстоитъ отъ преподаванія пѣнія, а законъ Божій стоитъ совершенно особнякомъ отъ преподаванія т. н. свѣтскихъ предметовъ, какъ будто онъ не имѣетъ дѣла съ одними и тѣми же учениками, какъ будто онъ преслѣдуетъ только ему свойственныя цѣли и задачи.

При такой разобщенности предметовъ школа не воспитываетъ живую душу человѣка, не имѣетъ въ виду одинъ организмъ, гдѣ отдѣльныя части находятся въ самой тѣсной связи, а словно обтесываетъ каменную глыбу то съ одной, то съ другой стороны, безъ всякаго общаго плана, безъ опредѣленной руководящей идеи. И лишь только питомецъ школы выходитъ изъ опеки своихъ воспитателей, какъ улица охватываетъ его со всѣхъ сторонъ своими міазмами губельной нравственной заразы. Наружная слабая окраска съ ученика быстро спадаетъ, и внутрь всего его существа насаждаетъ плѣсень, которая все болѣе и болѣе разъѣдаетъ въ зачаткѣ

присущее человѣку доброе настроеніе воли. Питомецъ школы не имѣетъ въ себѣ тѣхъ сильныхъ жизненныхъ началъ, которыя могли бы противодѣйствовать нравственной порчѣ и разложенію его существа. Никакія внѣшнія мѣры въ этомъ случаѣ не защитятъ человеческого чувства отъ извращенія и воли отъ служенія пороку. Какъ въ живомъ организмѣ всякая налетѣвшая извнѣ болѣзнь побѣждается не лѣкарствами, не медикаментами, а внутренней силой самого организма, способнаго выработать противоядія, такъ и въ нравственномъ отношеніи человѣкъ можетъ бороться съ посторонними для него неблагопріятными вліяніями, къ которымъ должны быть отнесены и его собственныя дурныя желанія, только внутренней силой своего духа. Для борющагося можетъ быть помощь и извнѣ отъ Бога, но эта помощь приходитъ не насильственно, а при желаніи борющагося.

Каждый человѣкъ рождается съ извѣстными, присущими ему наклонностями и стремленіями. Особенности дѣтскаго характера обнаруживаются въ очень раннюю пору, но эти наследственныя качества не могутъ быть оставлены свободному развитію. Между наследственными чертами встрѣчаются и добрыя и худыя. Можно, конечно, спорить о частностяхъ въ пониманіи нравственно должнаго и нравственно ненормальнаго, но въ пониманіи общихъ началъ нравственности люди настоящаго времени все согласны, за исключеніемъ лишь кучки индивидуалистовъ, трактующихъ о благѣ не настоящаго, а будущаго человѣчества, имѣющаго переродиться въ сверхчеловѣчество. И нужно замѣтить, что нравственность религіозная сходится съ нравственностью научной въ пониманіи идеала человѣка. Лучшій, по ученію Ветхаго и Новаго Завѣта, тотъ, кто возлюбитъ Господа больше всего и ближняго, какъ самъ себя. Не то ли же самое говоритъ и научная мораль, хотя бы словами невѣрующаго знаменитаго французскаго мыслителя Гюйо: «Лучшимъ слѣдуетъ считать того, кто сильнѣе всѣхъ сознаетъ свою солидарность съ другими существами и вообще со вселенной». (Т. 4, изд. 1900 г. стр. 34.) Вѣдь въ этихъ словахъ Богъ замѣненъ словомъ вселенная, но мысль о томъ, кто изъ людей лучшій, дальше христіанскаго ученія не пошла. Да выше его человѣкъ и не можетъ идти, не смотря на успѣхи науки и культуры человѣчества. Если же люди согласны въ оцѣнкѣ нравственнаго, то и прямой задачей воспитанія должно явиться стремленіе содѣйство-

вать укрѣпленію въ дѣтяхъ дучшихъ сторонъ ихъ наслѣдственныхъ свойствъ и въ смягченіи худыхъ. Въ возможности такого воздѣйствія на воспитываемыхъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ развитіе тѣхъ или иныхъ качествъ въ людяхъ, сообразно требованіямъ развитія въ пониманіи добра, мы видимъ на продолженіи всей исторіи человѣчества. Развѣ не воспитаніе создало большинство борцовъ за идею, мучениковъ вѣры и науки? Славныхъ именъ человѣчества такъ много, что одно перечисленіе ихъ могло составить цѣлую книгу, и большинство свѣточей между людьми въ значительной степени обязаны воспитанію ихъ въ дѣтствѣ.

Въ православной христіанской школѣ не можетъ быть вопроса о пониманіи, что худо и что хорошо, такъ какъ рѣшеніе его христіанину дано въ откровеніи самого Господа. Но для учащаго психологически не безразлично знаніе того, что христіанская мораль въ настоящее время является общепринятой даже и въ не христіанскихъ государствахъ, такъ какъ ея всеобщность и вѣчность начинаетъ признаваться даже и врагами всякой религіи, основанной на авторитетѣ, а не на выводахъ изъ научно провѣренныхъ фактовъ. Нравственное вліяніе на питомца школы слагается изъ различныхъ факторовъ: семьи, окружающей среды, примѣра взрослыхъ и школьнаго ученія. Въ школѣ ученикъ проводитъ меньше времени, нежели дома и на улицѣ, и потому учащіе приводятъ соображеніе, что школа не можетъ противостоятъ разлагающему вліянію тѣхъ промежутковъ времени, въ которые ученикъ находится внѣ школы. А потому воспитатели стараются сложить съ себя всякую отвѣтственность за неблагоповеденіе своихъ воспитанниковъ. Но въ параллель къ этому соображенію напрашивается другое. Школьники только въ учебные часы учатся грамотѣ, счисленію, чистописанію, въ прочіе же моменты они разсѣиваются и не запоминаютъ нужныхъ для знанія правилъ чтенія и счета. Однако вліяніе школы на учебную сторону дѣтей оказываетъ несомнѣнное вліяніе, и всякій учитель, считалъ бы себя негоднымъ, если бы его ученики выходили изъ училища менѣе развитыми въ умственномъ отношеніи, нежели они поступили въ школу. Старая учеба не давала развитія учащимся, рецидивы безграмотности были обычнымъ явленіемъ, но теперь это грустное время миновало, и учебное дѣло постепенно совершенствуется, принося большіе плоды, нежели приносила школа недавняго прошлаго. Въ постановкѣ учеб-

ной стороны съ каждымъ годомъ вводятся улучшенія и усовершенствованія, и этотъ трудъ на пользу учебной стороны не остается безрезультатнымъ. Одинаковыя причины приносятъ и одинаковыя слѣдствія, и потому можно съ достовѣрностью заключить, что недостаточное нравственное вліяніе школы на своихъ питомцевъ въ настоящее время зависитъ отъ неправильной постановки воспитательной стороны. Задача образованія ума поглотила все стараніе дѣятелей просвѣщенія и создала чрезъ среднюю и высшую школу особый классъ людей, такъ называемую интеллигенцію, которая близоруко во всемъ ищетъ только проявленія ума и остается глуха и слѣпа къ другимъ выраженіямъ человѣческаго духа. На той же дорогѣ, хотя и съ меньшими крайностями, находится и дѣло начальнаго образованія, и плачевные результаты такой постановки дѣла уже весьма ощутимы. Не только среди заурядныхъ учителей, но и среди видныхъ педагоговъ до послѣдняго времени существовало убѣжденіе въ томъ, что всякій предметъ ученія самъ собою дѣйствуетъ воспитательнымъ образомъ на человѣка, что самое обогащеніе памяти, развитіе соображенія, пріобрѣтеніе навыковъ въ области знанія отражается не только на умственной, но и на нравственной сторонѣ учащагося. Такой взглядъ находилъ для себя поддержку въ психологіи недавняго прошлаго, разработанной Гербартомъ. Подобно Сократу Гербартовская психологія приводила воспитателей къ тому взгляду, что все зло въ людяхъ происходитъ лишь отъ незнанія истины. Просвѣщеніе ума ведетъ за собой облагораживаніе чувства, а взаимоотношеніе этихъ двухъ способностей образуетъ то, что называется волей. Дѣйствительность показала и показываетъ, что одностороннее развитіе ума ведетъ далеко не къ развитію въ людяхъ нравственности, и что умъ способенъ оправдывать всякую ненормальность. Новое направленіе педагогики, получившее названіе волюнтаризма, стремится воспитать волю и направить ее въ сторону нравственно-чистаго и прекраснаго. Это направленіе отнюдь не исключаетъ воздѣйствія на умственную сторону ученика и не рекомендуетъ веденіе въ школѣ какихъ либо спеціально-воспитательныхъ занятій, а предлагаетъ лишь имѣть постоянно въ виду и воспитательную сторону дѣла.

Нравственное чувство просыпается въ человѣкѣ довольно рано, приблизительно въ трехлѣтнемъ возрастѣ и хотя наибольшей разцвѣтъ его наблюдается въ пятнадцать или семнадцать лѣтъ, т. е.

въ такомъ возрастѣ, когда ученики начальной школы почти забываютъ школьныя познанія, но и болѣе ранній возрастъ даетъ возможность воспитателю направить ростъ нравственности въ ученикѣ на должный путь. Посѣянное въ раннемъ возрастѣ, когда количество душевныхъ переживаній въ человѣкѣ не велико, наиболѣе твердо укрѣпляется въ душѣ ребенка и остается въ ней на всю послѣдующую жизнь. Все позднѣйшее лишь наслояется на приобрѣтенія дѣтства, и раннія впечатлѣнія всплываютъ всегда на самый верхъ послѣ всей сутолоки жизни¹⁾. Въ начальную школу дѣти поступаютъ въ такомъ возрастѣ, когда въ нихъ нѣтъ еще твердой привязанности ко злу, хотя нѣтъ еще пониманія и любви къ добру. Проявленіе эгоизма въ дѣтяхъ школьнаго возраста носить характеръ временнаго переходнаго состоянія. Ихъ настроенность постоянно мѣняется. Капризы чередуются одинъ другимъ, но послѣдовательной озлобленности и зложелательства въ дѣтяхъ еще нѣтъ. Природныя наклонности человѣка никогда не бываютъ извращенными. Только руководясь разсудкомъ, люди извращаютъ инстинктъ. Первый годъ ученія въ школѣ даетъ учащему наибольшій залогъ успѣшности нравственнаго воздѣйствія на своихъ учениковъ. Въ этотъ періодъ ученія дѣти наиболѣе сильно ищутъ существо, за которымъ бы они могли слѣдовать, которому они могли бы подчинить свою нетвердую волю. «Дѣтское сердце подобно вьющемуся растенію, которому нужны опоры, чтобы оно могло подниматься и пышно разрастаться на чистомъ воздухѣ. Если нѣтъ у него опоры, оно ползетъ по землѣ и загниваетъ, но если найдется помощь, которая подниметъ его вверхъ, оно весело вьется въ вышину, и его листья и побѣги становятся тѣмъ свѣжѣе и больше, чѣмъ выше оно поднимется. Дѣтскій возрастъ требуетъ поддержки и инстинктивно ожидаетъ ее отъ каждаго взрослога и особенно отъ родителей и воспитателей. Какъ вьющееся растеніе, не находя твердой опоры, цѣпляется за гнилушки, такъ и ребе-

¹⁾ Въ поясненіе этого утвержденія считаю возможнымъ привести изъ множества свидѣтельствъ слова Нечаева, представителя русской экспериментальной педагогики: „Въ общемъ ходѣ духовнаго развитія человѣка, когда мѣняется его міровоззрѣніе и подвергаются переработкѣ составленныя прежде сужденія, впечатлѣнія дѣтства оказываютъ свое вліяніе“. Очеркъ психол. для воспитателей и учителей. Ч. I, стр. 73.

нокъ привязывается даже къ дурнымъ и порочнымъ людямъ, чтобы найти какую нибудь опору. Благо той школѣ, гдѣ учитель, что крѣпкій дубъ, около котораго можетъ обвиться нѣжный плющъ—ребенокъ, и въ которомъ онъ находитъ руководителя кверху, откуда только и даются благословеніе и миръ. Но какъ растеніе не обвивается вокругъ ледяного столба, такъ и дѣтская душа не привязывается къ холодному, лишенному любви сердцу, и потому тамъ, гдѣ учитель не имѣетъ любви, все обманъ и притворство» (Келльнеръ. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Стр. 8). Если ребенокъ не находитъ руководителя въ старшемъ, то онъ привязывается къ кому нибудь изъ сверстниковъ и ставитъ его своей опорой и своимъ идеаломъ.

Главнымъ воспитательнымъ средствомъ въ распоряженіи преподавателя всегда можетъ быть только любовь къ дѣлу и дѣтямъ. Безъ нея никакое воспитательное воздѣйствіе невозможно. Вслѣдствіе недостатка любви, истинной, христіанской, незначительно и вліяніе школы въ нравственномъ отношеніи на своихъ воспитанниковъ. Эта любовь есть даръ природы, и въ зародышѣ она присуща всякой человѣческой душѣ, которая по общезвѣстному выраженію Іустина Философа «по природѣ христіанка». Зародышъ любви въ душѣ можетъ или разростись, или можетъ быть совершенно заглушенъ и замѣненъ сухимъ, хотя бы и исправнымъ исполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей.

Любовь, по описательному опредѣленію ап. Павла, *всему въ ритъ* (1 Кор. 13, 7). Съ этой вѣры въ лучшія стороны человѣческой природы и должно начинаться воспитаніе. Обычно школьный воспитатель старается искоренять въ своихъ питомцахъ дурныя склонности и привычки и смотритъ на cadaго ученика, какъ на нарушителя благодѣянія и классной дисциплины. Цѣлью воспитательнаго воздѣйствія въ школѣ становится не насажденіе добра, а только искорененіе зла. Но на мѣстѣ исторгнутаго зла, если только такое искорененіе имѣетъ успѣхъ, остается пустое пространство, въ которое тотчасъ же налетаетъ новое зло. Зло само собою уничтожается добромъ, а потому и нравственное воспитаніе имѣетъ своей задачей развитіе въ дѣтяхъ добра. Человѣкъ носитъ въ себѣ образъ Божій, и его то необходимо чтить въ каждомъ ребенкѣ, чтобы не презрѣть одного изъ тѣхъ малыхъ, ангелы которыхъ всегда видятъ лицо Отца небеснаго. Конечно, нельзя признать

правильнымъ утверждение Руссо, что все прекрасно въ человѣкѣ отъ рожденія и все портится въ рукахъ воспитателя, не сообразующагося исключительно съ прирожденными качествами, но нельзя и обратно считать каждаго ребенка олицетвореніемъ только зла. Послѣдній взглядъ на ученика можетъ сильно портить его нравственный обликъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Гюйо, «считать когонибудь дурнымъ значитъ дѣлать его хуже, чѣмъ онъ есть» (Воспитаніе и наслѣдств. стр. 29). Правда, много страданій и огорченій доставляетъ воспитателю веденіе дѣла только на основѣ полной любви и полного уваженія къ дѣтямъ, настроеніе которыхъ чрезвычайно измѣнчиво и очень мало похоже на поведеніе взрослыхъ. Но силу къ перенесенію этихъ огорченій можетъ дать также любовь, которая *допотерпитъ, не ищетъ даже своего*. Внѣшнія мѣры строгости, примѣняемыя въ школѣ, способны дать полный покой учащему, но онѣ безсильны въ привитіи ребенку истинной нравственности. Въ дѣланіи добра, какъ въ религіозномъ вѣрованіи, можно различать три послѣдовательныя ступени: страхъ наказанія, ожиданіе награды и любовь къ Тому, кто вѣнчаетъ добро. Вполнѣ понятно, что ни первое, ни даже второе побужденіе не способно привести дѣтей къ Тому, Кто ихъ *обнялъ и благословилъ*. Внѣшнія дисциплинарныя взысканія имѣютъ силу только въ школѣ и приносятъ нерѣдко страшный вредъ впослѣдствіи. Какъ долго насильственно сжимаемый газъ производитъ наибольшій взрывъ при наибольшемъ сопротивленіи, такъ и долго скрываемый и сдерживаемый внѣшней силой порокъ проявляетъ себя въ наибольшей степени. Не въ этомъ ли кроется разгадка всеобщей жалобы, что дѣти школьники наиболѣе неблаговоспитанны, и что школа губительно вліяетъ на нѣжную дѣтскую натуру? Атмосфера любви и ласки, вниманіе въ особенности семейной обстановки, въ интимную жизнь дѣтей, деликатная помощь дѣтскому горю особенно умѣстны на урокахъ закона Божія, если только они не примѣняются при всѣхъ занятіяхъ. Никакихъ наказаній, никакихъ огорченій отъ закона Божія для ученика быть не должно, потому что, какъ замѣтилъ еще Локкъ, чувство отвращенія, вызываемое наказаніемъ, переносится на учебный предметъ. Въ Германіи, гдѣ до настоящаго времени въ школахъ примѣняется розга, на урокъ закона Божія тѣлесныя наказанія запрещены школьнымъ закономъ. Урокъ закона Божія долженъ быть самымъ пріятнымъ временемъ изъ

школьной жизни учащихся, а законоучитель самымъ близкимъ, самымъ любимымъ человѣкомъ. Если ученики забудутъ впослѣдствіи назиданія и нравственныя положенія, то они никогда не забудутъ облика любимаго законоучителя. Отъ бывшихъ учениковъ покойнаго директора Казанской учительской семинаріи, Н. И. Ильминскаго мнѣ довелось слышать, что воспоминаніе о немъ отклоняло его учениковъ отъ многаго худого и давало силу на борьбу съ соблазнами. То же самое было высказано въ печати относительно нравственнаго вліянія на солдатъ бывшаго то же покойнаго, протопресвитера Бажанова, автора нѣсколькихъ популярныхъ книжекъ назидательнаго содержанія. Такое же настроеніе можетъ быть и у преподавателя закона Божія на урокахъ этого предмета, если онъ боится введенія подобныхъ порядковъ въ преподаваніе свѣтскихъ предметовъ. Не страхъ за невыученный урокъ, не робость предъ сердитымъ учителемъ, а полное довѣріе къ учащему можетъ дать урокамъ закона Божія настоящее нравственно-воспитательное направленіе.

Въ воспитаніи различаются два момента—сообщеніе нравственной идеи и привитіе нравственныхъ навыковъ. Первая сторона является въ преподаваніи чистымъ знаніемъ, а вторая прикладнымъ. Наша воля свободна въ выборѣ добра и зла въ извѣстной степени, но она управляется мотивами, соображеніями, идеями. Въ дѣлѣ проведенія нравственной идеи въ жизнь для каждаго человѣка необходимо упражненіе, подъ вліяніемъ воли другого, испытавшаго на опытѣ собственной жизни осуществленіе добра и проявленія его всвѣ. Конечно, важно для человѣка самостоятельное, добровольное слѣдованію добру, а не механической навѣкъ въ извѣстныхъ добрыхъ поступкахъ. Но школа и не можетъ задаваться цѣлью привитія полного круга нравственныхъ навыковъ своему питомцу, какъ она не можетъ претендовать на полный законченный кругъ образованія. Въ учебномъ отношеніи школа даетъ возможность человѣку учиться правильно въ теченіе всей своей жизни и въ нравственномъ воспитаніи она можетъ создать въ человѣкѣ основаніе для дальнѣйшаго нравственнаго усовершенствованія.

Воспитатель дѣйствуетъ на ученика посредствомъ наученія, примѣра и внушенія.

Правильная постановка сообщенія свѣдѣній изъ закона Божія является первымъ условіемъ нравственнаго воздѣйствія законоучи-

теля на учениковъ. Это сообщеніе непременно должно сообразоваться со степенью развитія учащихся, какъ по формѣ изложенія, такъ и по выбору выраженій. Законоучителю необходимо знать степень развитія своихъ слушателей, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. На каждомъ урокъ важно сказать столько, сколько нужно для ближайшей цѣли урока. Главный недостатокъ неопытныхъ или мало вдумчивыхъ законоучителей заключается въ излишнемъ многословіи и впаданіи въ ложно проповѣдническій тонъ. Говорящій предъ учениками нерѣдко упивается музыкой своей рѣчи, не обращая вниманія на то, что ученики его совершенно не понимаютъ. Для начальной школы вполне достаточно самыхъ основныхъ, самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Забвеніе перваго правила обыденной дидактики ведетъ къ отвлеченію учениковъ отъ главнаго предмета урока и наноситъ существенный вредъ наученію началамъ добра. Сообщеніе различныхъ доказательствъ истинности изложенія начальнаго учебнаго матеріала, опроверженіе возраженій и полемика съ иначе мыслящими совершенно не затрагиваетъ душу ребенка и является вредной тратой времени. Особенно вреденъ для нравственнаго воспитанія полемическій элементъ, вносимый въ школьное преподаваніе. Знаніе положительнаго ученія православной церкви само собою способно сохранить питомца школы въ истинѣ. Вѣдь нѣтъ ничего оскорбительнѣе для человѣка, какъ заявленіе, что онъ лжетъ или служитъ жи. Между тѣмъ всякая полемика и начинается съ такого оскорбленія нашего ближняго. На вопросъ ученика объ ученіи иновѣрцевъ или неправославныхъ, конечно, слѣдуетъ дать надлежащее спокойное объясненіе, проникнутое сожалѣніемъ къ противящимся вселенскому признанію истины, но возбуждать въ дѣтяхъ вопросы относительно обрядовыхъ или вѣроисповѣдныхъ тонкостей для дѣла вредно.

Элементарныя свѣдѣнія необходимо передавать ученикамъ наглядно, т. е. вполне понятно, сообразно съ дѣтской природой. Въ этомъ отношеніи законъ Божій до сихъ поръ находится въ какомъ то особенномъ положеніи. Не мало еще такихъ педагоговъ, которые, пренебрегая выводами психологіи дѣтскаго возраста и положеніями экспериментальной педагогики, близоруко идутъ въ преподаваніи закона Божія тѣмъ самымъ путемъ, по которому шли преподаватели старой школы. Правда, что въ преподаваніи закона Божія, по самому существу этого предмета, невозможно обойтись

безъ отвлеченныхъ понятій, но вредно вносить ихъ туда, гдѣ безъ нихъ возможно обойтись. Элементы всякаго знанія заучиваются, хотя бы они были и не совсѣмъ ясны для учениковъ. Но заучиваніе всевозможныхъ случайныхъ или несущественныхъ явленій никѣмъ изъ опытныхъ педагоговъ не рекомендуется и на дѣлѣ не примѣняется. Истины о троичности лицъ въ Богѣ, о Его духовности, безконечности, вѣчности непонятны не только дѣтямъ, но и великимъ богословамъ, однако эти истины заучиваются и должны быть заучиваемы въ первый же годъ ученія, какъ существенные элементы религіознаго знанія. Вѣдь если бы школа вздумала изгонять изъ преподаванія все непонятное дѣтямъ, то она рисковала бы оставить дѣтей на той же ступени знанія, въ какой они являются въ школу. Никто изъ учениковъ не только начальной, но средней школы не понимаетъ сущности категорій пространства и времени, однако мѣры ихъ заучиваются на память. И даже экспериментальная педагогика не возражаетъ противъ знанія мѣръ, вводя лишь въ изученіе ихъ т. н. динамическій методъ. Какъ въ категоріяхъ пространства и времени понятны лишь нѣкоторыя признаки, т. е. условныя исторически сложившіяся мѣры, такъ и въ истинахъ религіозныхъ понятны проявленія милости Божіей къ людямъ. Напр., явленіе Св. Троицы при крещеніи Спасителя, воскрешеніе мертвыхъ, явленіе безтѣлесныхъ ангеловъ въ образѣ людей и т. д. Притомъ же каждый христіанскій догматъ имѣетъ нравственно-воспитательное значеніе для человѣчества и долженъ быть сообщаемъ дѣтямъ подъ этимъ угломъ зрѣнія. Бѣда не въ томъ, что дѣтямъ даются для заучиванія основныя религіозныя истины, а въ томъ, что на ряду съ ними требуется запоминаніе и выводовъ. Перечисленіе всѣхъ добродѣтелей и пороковъ, заучиваемое при прохожденіи Десятословія, никогда ни у кого въ памяти твердо не удерживалось и ни кого нравственнымъ не сдѣлало.

Для воспитательныхъ цѣлей нужно заучиваніе только элемента вѣроученія, какъ основанія нравственной идеи, укрѣпленіе же навыка въ исполненіи требованій нравственнаго закона, желанія добра, зависитъ отъ воздѣйствія воспитателя на чувство воспитанника. Не имѣя навыка къ отвлеченному мышленію, дѣти вѣрятъ видимому, своему руководителю и потому онъ долженъ быть для нихъ авторитетомъ. Не вдаваясь въ критическое разсмотрѣніе матеріала, и не имѣя для этого достаточно развитыхъ способностей,

дѣти до 11—12 лѣтъ вѣрятъ не только въ то, что говорится, но главнымъ образомъ тому, кто говоритъ. Въ словахъ учителя заключается особенная сила для учениковъ, и эта сила способна заставить ихъ полюбить то, что любить учитель. Поэтому преподаваніе въ начальной школѣ закона Божія должно непременно вестись устно. Въ послѣднее время многіе представители законоучительства начали усиленно рекомендовать чтеніе Библии на урокахъ закона Божія, въ той надеждѣ, что это чтеніе будетъ могущественно дѣйствовать на учениковъ какъ слово самого Бога. Но въ этомъ стремленіи истинно лишь признаніе нѣкоторыхъ въ своемъ полномъ безсиліи воздѣйствовать на своихъ питомцевъ. Слово Божіе открывалось не дѣтямъ, а взрослымъ, и только критически относящійся къ словамъ собесѣдника человѣкъ потребуеъ отъ него доказательства его словъ текстомъ Св. Писанія. Дѣти этого не требуютъ, и законоучитель безъ всякой пользы для дѣла будетъ стараться поселить въ дѣтяхъ недовѣріе къ передачѣ имъ истинъ закона Божія. Психологически ясно, что усиленное увѣреніе въ правдивости своихъ словъ кѣмъ либо вызываетъ сомнѣніе въ этой правдивости, такъ какъ никто не усиливается доказывать наличность того, чѣмъ онъ владѣетъ въ дѣйствительности. Да вѣдь и необходимо признать, что библейскій образный языкъ, съ постояннымъ употребленіемъ словъ въ непрямомъ смыслѣ, совершенно недоступенъ пониманію дѣтей. Вѣдь писатели Библии не были стѣснены въ формѣ изложенія ничѣмъ, они писали для своего народа, для своего времени и отображали въ своихъ книгахъ особенности времени и мѣста. Внѣшняя форма выраженія, приводимая въ библейскихъ книгахъ пословицы, поговорки не составляютъ того вѣчнаго закона, изъ котораго не пройдетъ ни одна іота, ни одна черта.

Сторонники книжнаго преподаванія въ школѣ хотятъ найти поддержку себѣ въ старинной практикѣ. Но нельзя забывать, что въ старинное время на Руси книга чтилась, какъ святыня, и правиломъ Владимірскаго собора предписывалось всякій листокъ, съ написаннымъ какимъ либо текстомъ, бережно хранить, а въ случаѣ ненадобности сжечь. Теперь же въ высшей степени прискорбно видѣть, что святѣйшая изъ книгъ—Евангеліе носится учениками въ сумкѣ вмѣстѣ со сказкой о рыбацѣ и рыбкѣ, падаетъ изъ сумки на полъ, попадаетъ подъ ноги, и дѣти съ ранняго возраста привыкають относиться къ Евангелію, какъ къ общеучебной книгѣ.

А это ви́шнее непочтеніе отражается и на душѣ человѣка. Русскіе христіане Евангелія не читаютъ. Противъ этой печальной истины говорить можно, но опровергнуть ее нельзя. Приучить же къ чтенію священныхъ книгъ школьное употребленіе ихъ не можетъ. Въ подтвержденіе своей мысли я приведу лишь маленькую выдержку изъ статьи проф. прот. Смирнова *Законъ Божій въ гимназіяхъ*. «Въ 1821 г. вятское отдѣленіе Библейскаго Россійскаго Общества прислало въ вятскую гимназію для раздачи въ награду 192 воспитанникамъ разныхъ священныхъ книгъ на сумму 1144 р. Благодаря такой щедрой раздачѣ священныя книги потеряли всякую не только ви́шнюю, но и внутреннюю цѣнность: *съ ними обращались небрежно, и онѣ валялись всюду, какъ ни на что ненужный хламъ*». (Странникъ 1903 г. стр. 709). Въ пору развитія Библейскихъ Обществъ въ Россіи былъ произведенъ широкій опытъ униженія Библии черезъ раздачу ея тѣмъ, кто не могъ цѣнить ея, и этотъ опытъ вполне исключаетъ повтореніе такой профанаціи святыни въ наше время. Слово Божіе должно читаться прежде всего въ церкви, потомъ на молитвѣ и на молитвенномъ бдѣніи человѣка дома или при объясненіи Св. Писанія предъ праздничнымъ богослуженіемъ, но оно никогда не можетъ быть употребляемо въ начальной школѣ въ качествѣ предмета ученья. Одушевленный, проникнутый вѣрой рассказъ преподавателя способенъ растрогать нѣжное дѣтское сердце и повліять на воображеніе ученика. То, что входитъ не только посредствомъ ума, а вліяетъ и на чувство, закрѣпляется въ душѣ на всю жизнь. Безъ воздѣйствія на чувство урокъ закона Божія въ нравственномъ отношеніи значенія имѣть не будетъ, такъ какъ даже величайшая ученость неспособна къ нравственному подъему человѣческаго духа.

Въ невозможности улучшенія человѣческой нравственности разумомъ и наукой и кроется весь трагизмъ человѣчества, стремящагося устроить свою жизнь въ отчужденіи отъ Бога. Религиозно-нравственное воспитаніе въ дѣтствѣ и имѣетъ своей задачей охранить человѣка отъ этого поползновенія на всю послѣдующую жизнь. Для осуществленія этой задачи и необходимо наиболѣе всестороннее воздѣйствіе законоучителя на своихъ питомцевъ. Воздѣйствіе на умъ и на чувство дѣтей со стороны учащаго завершается приученіемъ воспитанниковъ къ исполненію обязанностей, вытекающихъ изъ требованій нравственнаго закона. Это при-

ученіе непремѣнно нуждается въ надлежащемъ примѣрѣ. Примѣромъ же для учениковъ всегда долженъ быть учитель. Въ прохожденіи курса закона Божія дѣти могутъ слышать о древнихъ праведникахъ, но они желаютъ видѣть и живой образецъ нравственности. Отсюда ясно вытекаетъ требованіе для законоучителя сообразовать свои поступки съ преподаваемымъ имъ ученіемъ. Отношенія между учащимъ и учащимися немногочисленны, и потому осуществленіе учителемъ въ жизни нравственныхъ правилъ честности, правдивости, искренности, незлобія и т. п. вполне невозможно. Для учениковъ находеніе въ учителѣ чертъ, общихъ съ библейскими лицами, доставляетъ искреннее удовольствіе, и они способны тогда ради любви къ добру въ лицѣ учителя на всякое самоотверженіе. Возможно, что съ теченіемъ времени такой энтузіазмъ въ дѣтяхъ ослабѣетъ, но этотъ подъемъ духа не останется безплоднымъ, и плоды отъ него будутъ только добрыя. Больше всего законоучитель долженъ бояться неискренности и дѣланности въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ. Отъ дѣтей ничего скрыть нельзя: у нихъ сотни глазъ и столько же ушей. Всѣ неискренніе вздохи, всякое искусственное умиленіе способно оттолкнуть дѣтей и отъ вздыхающаго и, что страшнѣе всего, отъ самой нравственности, утверждающейся на неискренности. Уча мы учимся, и проникаясь искренно предметомъ преподаванія, законоучитель тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ и частицу добра, о которомъ онъ говоритъ своимъ питомцамъ. Отъ человѣка требуется искреннее желаніе добра, а возвращеніе его можетъ быть дано ему помощью свыше. Проникновеніе и воодушевленіе возвѣщаемой дѣтямъ истиною въ законоучителѣ отражается неминуемо и на ученикахъ. Воспитательное внушеніе производится наиболѣе сильной душой на болѣе слабую. Дѣтская душа можетъ быть чище души взрослого человѣка по отсутствію зла; но она слабѣе по наличности добра. Поэтому великая душа способна привлечь къ себѣ многихъ, способна расширить горизонты окружающихъ и научить ихъ любви не только къ близкимъ, но и далекимъ, не только своимъ, но и чужимъ. А въ развитіи чувства любви къ человѣчеству и къ Богу и заключается задача нравственнаго воспитанія подрастающихъ поколѣній. Если эта цѣль будетъ предъ глазами учащихся и на урокъ ариѳметики, и при упражненіяхъ въ чистописаніи, то школа совмѣстными дружными усиліями учащихся будетъ вести своихъ питомцевъ по пути истинной культуры.

Это воспитательное воздѣйствіе не требуетъ для себя особаго времени, и воспитательный элементъ не отдѣляется отъ учебнаго. Нѣтъ нужды дѣлить каждый урокъ на двѣ части: наученіе и назиданіе, такъ какъ такое дѣленіе, кромѣ вреда дѣлу, ничего дать не можетъ. Въ преподаваніи закона Божія представляется большой соблазнъ присоединять къ каждой бесѣдѣ о вѣрѣ правоученіе. Назиданія нѣкоторыми преподаются не только устно, но даже вводятся въ учебники. Дѣйствовать такъ значитъ поступать наперекоръ элементарнымъ положеніямъ психологій дѣтей и взрослыхъ. Постоянное чтеніе правоученій вселяетъ въ слушателя такое отвращеніе ко всякой морали, что онъ начинаетъ ненавидѣть самое упоминаніе о нравственности. Чтеніе сентенцій служитъ показателемъ отсутствія въ человѣкѣ истинной любви, а безъ нея невозможно и само истинное воспитаніе.

Каждый урокъ закона Божія можетъ и долженъ имѣть примѣненіе къ жизни слушателя, но примѣненіе не есть чтеніе сентенцій. Самымъ лучшимъ примѣненіемъ будетъ то, которое дѣти сами выведутъ изъ урока. Если же урокъ не достигъ этой цѣли, то преподавателю слѣдуетъ лишь направить дѣтей на нужный выводъ посредствомъ наводящихъ вопросовъ. Выводъ долженъ быть кратокъ, ясенъ и опредѣленъ. Расплывчатая общія разсужденія о добрѣ и истинѣ никому никакой пользы принести не могутъ. Самая постановка выводовъ зависитъ отъ предмета урока и отъ проникновенія преподающаго въ этотъ предметъ. Здѣсь никакихъ опредѣленныхъ правилъ существовать не можетъ, и можетъ быть повторено одно общее положеніе: нужно любить дѣло и дѣтей.

Душа ребенка — нѣжный цвѣтокъ, развертывающійся подъ солнцемъ любви и гибнущій подъ холодной струей сухого формализма. Къ дѣтской душѣ вполне приложимо маленькое переложеніе Мятлева:

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду, какъ взоръ ласкали мой,
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой.

Къ этому только и можно прибавить: да не будетъ учителей, похожихъ на весенніе морозы, и пусть дойдетъ до нихъ общая просьба всѣхъ, кому дороги дѣти.

Жизненность уроковъ Закона Божія.

Современная новая педагогика, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, первымъ закономъ воспитанія ставитъ требованіе преподаванія лишь того, что можетъ быть пережито ребенкомъ, проявлено въ дѣйствіи, запечатлѣно въ двигательномъ опытѣ. (М. В. О'Ши. Роль активности въ жизни ребенка, стр. 161). На основаніи этого новаго закона рекомендуется указаннымъ направлениемъ веденіе занятій посредствомъ самостоятельнаго изслѣдованія предмета ученикомъ или т. н. *динамическимъ* методомъ. Въ этомъ требованіи занятія признаются устарѣлыми и вредными.

Не трудно замѣтить, что динамическій методъ представляетъ собою по формѣ расширеніе нагляднаго, а по существу генетическаго метода, съ доведеніемъ ихъ обоихъ до крайнихъ выводовъ. Въ динамическомъ методѣ есть правда, и потому онъ привлекаетъ къ себѣ симпатіи воспитателей, но онъ грѣшитъ односторонностью и тѣмъ отвлекаетъ отъ прямого пути, при полномъ проведеніи только этого метода въ преподаваніи всѣхъ предметовъ обученія. Безспорно, что самостоятельно приобрѣтенное человекомъ знаніе самое прочное и самое плодотворное, но только одно самостоятельное изслѣдованіе каждаго отдѣльнаго человека въ области многообразія познанія способно весьма значительно понизитъ уровень образованія подростящихъ поколѣній и отнять у нихъ возможность усвоенія долготѣняго опыта другихъ людей. Нельзя не согласиться съ общей мыслью сторонниковъ активности обученія о необходимости интереса къ занятіямъ со стороны дѣтей. Все, совершаемое человекомъ по собственному желанію, а не по принужденію, доставляетъ дѣлающему удовольствіе и ведетъ къ успѣшности дѣла. Все же, совершаемое подневольно, носитъ на себѣ печать мертвенности, сухости и рутины. Гдѣ нѣтъ интереса, гдѣ нѣтъ любви къ дѣлу, тамъ не можетъ быть и успѣха. Въ преподаваніи отсутствіе интереса къ предмету обученія дѣлаетъ это изученіе непрочнымъ,

ли образовательное нравственное вліяніе на ученика ничтожнымъ. Пробужденіе интереса въ ученикахъ къ предмету занятій ведетъ за собою и ихъ самодѣятельность, стремленіе не только къ усвоенію чужихъ словъ, но и приведеніе новыхъ понятій въ стройную систему съ своимъ общимъ пониманіемъ и примѣненіе въ жизни тѣхъ нравственныхъ задачъ, къ которымъ ведетъ человѣка истинное просвѣщеніе.

Школа, не принимающая во вниманіе особенностей душевной жизни дѣтей, прибѣгаетъ ради побужденія учениковъ въ занятіяхъ къ системѣ наградъ и наказаній, т. е. обращается къ мѣрамъ, воздѣйствующимъ на низшія стѣроны человѣческой души—на страхъ наказанія и на ожиданіе награды. Эта система даетъ полный покой учителю. Ему достаточно быть строгимъ, послѣдовательнымъ въ назначеніи наказаній, и порядокъ въ классѣ обезпеченъ. Ученики должны выучить заданный урокъ, должны отвѣтить на вопросъ ревизующаго лица, не оконфузить учителя на экзаменѣ, и учительство совсѣмъ не будетъ тѣмъ подвигомъ, о которомъ почему то говорятъ нѣкоторые.

Но это не ученье, а учеба, не просвѣщеніе, а фальсификація его. Если ученикъ учитъ урокъ только изъ-за страха наказанія, оставленія безъ обѣда или какого либо другого, то всякое приобретаемое имъ знаніе будетъ для него постороннимъ. Если оно и сохранится въ его памяти, то все-таки, оно никакой пользы ему не принесетъ ни въ умственномъ, ни тѣмъ болѣе въ нравственномъ отношеніи. Ребенокъ не можетъ трактоваться, какъ книжный шкафъ, въ которомъ одинаково умѣщается всякая книга и даже всякая вещь. Память только одна изъ способностей человѣческой души и притомъ способность служебная. Заучивать параграфъ за параграфомъ, статью за статьей, хотя бы и самымъ твердымъ образомъ, совершенно излишне, если при этомъ ученикъ остается безучастной зубрильной машиной. Ребенокъ надѣленъ разумомъ, чувствомъ и волей, и потому ученье должно быть для него не чѣмъ то постороннимъ, а своимъ, близкимъ предметомъ. Въ немъ должны участвовать всѣ способности человѣческой души, и ученье въ известное время должно овладѣвать всей душой ученика по его собственной волѣ и по его желанію. Сознаніе свободы усвоенія знаній и примѣненія ихъ къ жизни является главнымъ залогомъ вниманія къ предмету преподаванія со стороны ученика и черезъ это

вниманіе путемъ къ примѣненію знанія въ жизни. «Если мы хотимъ воспитывать ребенка нравственно, мы не должны разрушать въ немъ представленія о себѣ самомъ, какъ существѣ свободномъ. Безъ этого сознанія не можетъ быть никакихъ нравственныхъ стремленій, какъ бы ни была тѣсна ихъ область. Ребенокъ только тогда можетъ сознавать себя отвѣтственнымъ, когда онъ дѣйствуетъ свободно» (Журн. Учитель 1866 г. № 17). Эта свобода дѣйствованія ученика появляется въ интересѣ, съ которымъ онъ относится къ ученью. Въ нѣкоторыхъ предметахъ преподаванія самостоятельность учениковъ проявляется въ т. наз. ручномъ трудѣ, въ лѣпкѣ моделей растеній, животныхъ, сценъ изъ жизни и т. п., т. е. находитъ примѣненіе т. н. динамическій методъ. Но законъ Божій, по самому своему существу, обращаетъ вниманіе не на тѣлесныя движенія ученика, а на его душевную дѣятельность, на проникновеніе слова Божія до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ (Евр. 4, 12). Для дѣйственности прохожденія курса закона Божія нужно, безспорно, сильное движеніе, но не мускуловъ, а души воспитанника. Всякое новое знаніе въ преподаваніи религіи и нравственности должно поднимать все прежнее міросозерцаніе ученика. А это отношеніе новаго къ прежде приобрѣтенному не можетъ не вызывать различныхъ вопросовъ въ умѣ учащагося. Всякое новое знаніе, если оно угроживаетъ интересъ человѣка, не просто укладывается рядомъ со всѣмъ прежнимъ духовнымъ богатствомъ человѣка, а отыскиваетъ себѣ мѣсто въ общей суммѣ прежнихъ переживаній. Законъ Божій преимущественно предъ всѣми прочими предметами преподаванія способенъ возбуждать, при должной постановкѣ дѣла, наибольшее количество вопросовъ въ умахъ дѣтей, такъ какъ онъ касается не только одной умственной стороны, но затрагиваетъ область наиболѣе близкую для человѣка, область чувства. Опытъ же проведенія въ жизнь лучшихъ чувствъ и лучшихъ стремленій ведетъ къ столкновенію желаній со слабостью воли, и такимъ образомъ религіозное знаніе входитъ въ соприкосновеніе съ наибольшимъ количествомъ духовныхъ силъ и способностей человѣка. Мысль ребенка не можетъ остановиться лишь на томъ, что ребенокъ получаетъ въ готовомъ видѣ формулы и опредѣленій. да такая остановка всегда крайне печальна, а идетъ дальше и стремится къ логическимъ выводамъ и построеніямъ на основаніи сопоставленія прежнихъ воззрѣній съ новыми,

мірского знанія съ Божественнымъ. При значительномъ душевномъ подъемѣ учениковъ во время урока они даютъ учителю множество всевозможныхъ вопросовъ, ищутъ отвѣта на значительное количество сомнѣній и недоумѣній, и эти вопросы служатъ показателемъ заинтересованности учениковъ преподаваніемъ, явнымъ свидѣтелемъ развитія въ школѣ жизни. Чѣмъ больше ученики спрашиваютъ преподавателя, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ занятій. Нѣкоторые опытные учителя намѣренно такъ располагаютъ матеріалъ урока, что въ преподаваніи остается нѣчто невыясненное для учениковъ и ученики тотчасъ же предъявляютъ учителю всевозможные вопросы по поводу урока. Для такой постановки дѣла нужна особенная опытность, особенный даръ учительства, такъ какъ при неумѣломъ примѣненіи такого приѣма возможна полная беспорядочность веденія, да и прибѣгать къ намѣренному пропуску нѣкоторыхъ звѣньевъ въ ходѣ занятій въ обычной обстановкѣ нѣтъ необходимости. Всякое преподаваніе, какъ бы оно закруглено ни было, должно оставить нѣчто не вполне ясное для нѣкоторыхъ учениковъ. Ученикъ всегда нуждается въ поддержкѣ учителя, самое существованіе котораго и оправдывается этой потребностью учащихся. Оживленность и заинтересованность учащихся зависятъ въ значительной степени отношеніемъ къ нимъ учителя.

Основой отношеній между учителемъ, а тѣмъ болѣе законоучителемъ, и учащимися, можетъ быть только любовь. Дѣти очень отзывчивы къ этому чувству, и они смѣло обратятся къ любящему, а потому и любимому учителю со всякимъ вопросомъ, со всякимъ недоумѣніемъ не только изъ области непосредственно относящейся къ школьному преподаванію, но и къ наиболѣе интимнымъ сторонамъ дѣтской жизни. Прежде всего необходимо учителю поставить себя къ ученикамъ въ такія отношенія, чтобы они не боялись спрашивать его, чтобы учитель смотрѣлъ на своихъ питомцевъ, какъ на своихъ младшихъ братьевъ, и былъ готовъ притти къ нимъ всегда на помощь. *Вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель Христосъ, всѣ же вы — братья* (Матѣ. 23, 8). Задача всякаго воспитанія заключается въ поднятіи ученика до известнаго идеала посредствомъ поднятія вначалѣ ученика до своего учителя. Поддержкой для ученика въ этомъ случаѣ «можетъ служить только дружное единеніе наставника со своими питомцами. Этимъ единеніемъ питомецъ возвышается до своего на-

ставника: оно напрягаетъ его волю, притомъ дружный трудъ менѣе тягостенъ». («Учитель». Тамъ же). Преподаватель ради оживленности преподаванія долженъ всячески развивать въ ученикахъ любознательность и задаваніе вопросовъ по поводу проходимаго въ классѣ. Если это задаваніе вопросовъ поощряется, то и съ дидактической стороны преподаваніе принимаетъ наилучшую форму бесѣды учителя съ учениками, по вопросамъ, возникающимъ въ душѣ самихъ учениковъ.

Поощреніе вопросовъ учащихся относительно истинъ христіанства вызываетъ въ нѣкоторыхъ преподавателяхъ боязнь и опасенія за содержаніе и форму ученическихъ вопросовъ. По мнѣнію законоучителей старинныхъ взглядовъ стремленіе учениковъ знать все можетъ показать неуваженіе къ закону Господню, можетъ развить въ дѣтяхъ рационализмъ, понапрасну можетъ губить много дорогого времени, иногда можетъ поставить самого законоучителя въ затрудненіе, можетъ вызвать задаваніе вопросовъ несерьезныхъ, съ цѣлью провести время.

Но по нашему мнѣнію эти опасенія справедливы лишь отчасти и могутъ оправдаться на дѣлѣ только при неправильной постановкѣ оживленія преподаванія закона Божія. Боязнь неуважительнаго отношенія къ закону Божію должна повести къ полной отмѣнѣ сообщенія религіозныхъ истинъ учащимся, такъ какъ такое отношеніе и даже прямое кощунство возможно всегда. Искаженіе церковныхъ вѣснопѣній и представленіе ихъ въ неприличномъ видѣ—явленіе среди простого народа нерѣдкое, и зависитъ оно отъ полного непониманія славянскаго текста этихъ вѣснопѣній и молитвословій. Бѣда не въ томъ, что ученикъ спроситъ законоучителя относительно непонятнаго для него выраженія или догмата, а въ томъ, если ученикъ затаитъ въ своей душѣ непонятное и разрѣшитъ недоумѣніе своимъ недисциплинированнымъ умомъ. Пусть ученикъ спроситъ своего наставника относительно непонятнаго выраженія или положенія не въ установленныхъ книжной практикой выраженіяхъ, отъ этого вопроса истина не помутится. Если воспитанникъ, не понимая многого въ преподаваніи, умалчиваетъ о своихъ сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ изъ боязни предъ наставникомъ, то подобное молчаніе поведетъ ученика на худой путь. Рано или поздно, постепенно наслояясь одно на другое, всѣ сомнѣнія и недоумѣнія могутъ сложиться въ одно сплошное отрицаніе всего свя-

шеннаго, и тогда питомецъ школы погибнетъ въ бурѣ своихъ помысловъ сумнительныхъ, какъ говорится въ акаѳистѣ. Кто же долженъ отвѣтить за гибель единаго отъ многихъ?

Въ старой, а отчасти и въ современной школѣ, было и существуетъ между учащими и учащимися какое то непроницаемое средостѣніе, вслѣдствіе котораго воспитанники тщательно скрываютъ отъ своихъ воспитателей свои думы, заботы, интересы и недоумѣнія. Ученики живутъ одной жизнью, наставники другой, и послѣдніе считаютъ такое отдѣленіе отъ своихъ питомцевъ необходимымъ, ради поддержанія своего престижа. Страхъ предъ учителемъ въ ученикахъ такой системой поддерживался, ученики искренно считали преподавателя существомъ совершенно отличнымъ отъ нихъ, но и все изучаемое въ школѣ относилось въ область чего то совершенно обособленнаго отъ жизни и совершенно неприменимаго къ ней. Въ преподаваніи ариѳметики, чтенія и орфографіи такое отрѣшеніе ученія отъ жизни понижало лишь стараніе дѣтей въ изученіи неприменимыхъ къ жизни предметовъ знанія, въ законѣ же Божіемъ оно низводило слово жизни на степень предмета, нужнаго лишь для отвѣта законоучителю и на экзаменѣ. Говорить о ненормальности такой постановки дѣла излишне, и отношеніе между воспитанникомъ и наставникомъ должно быть основано на взаимной любви и довѣрїи. При соблюденіи этого условія всякій вопросъ ученика будетъ соответствовать святости слова Божія по существу, хотя бы ребенокъ и выразилъ свой вопросъ не по книжному.

Бояться развитія въ ученикахъ т. н. раціонализма нѣтъ оснований. Въ извѣстномъ возрастѣ пытливость ума пробуждается въ ребенкѣ съ непрекаемой послѣдовательностью, и заглушить эту пытливость не можетъ никакая внѣшняя сила. Пренебрегать ею значитъ пренебрегать очевидностью и уподобляться страусу, прячущему свою голову во время опасности. Если существуетъ теченіе, то остановить его невозможно, но направить его и возможно, и полезно. Законоучителю несравненно полезнѣе направить развитіе пытливости въ дѣтяхъ на должный путь и использовать ее въ качествѣ средства къ наибольшему оживленію преподаванія закона Божія, тѣмъ болѣе, что и самый предметъ не исключаетъ возможности любознательнаго отношенія къ нему.

Хотя богооткровенныя истины въ большей своей части подлежатъ усвоенію вѣрой, но и вѣра не можетъ находиться въ проти-

ворѣчи съ законами человѣческаго разума, какъ отображенія всевѣдѣнія Божія. Многія богооткровенныя истины выше пониманія людей лишь при настоящемъ развитіи человечества, какъ нѣкоторыя истины даже и не были возвѣщаемы людямъ въ ветхомъ заветѣ—въ дѣтвіе болѣе низкаго умственного развитія человечества сравнительно съ временемъ жизни Спасителя на землѣ. Съ теченіемъ времени божественныя истины, совершенно непостижимыя для человечества древности, становятся для него ясныѣ. Человѣческій разумъ, въ лицѣ лучшихъ представителей христіанства, путемъ настойчивыхъ исканій и усилій постепенно проникаетъ въ глубины истины, возвѣщенной людямъ не въ видѣ теоремъ, а въ видѣ откровенія, несомнѣннаго для вѣры, и въ этомъ заключается настоящій христіанскій прогрессъ и нормальное развитіе въ пониманіи христіанскихъ догматовъ. Пытливый умъ ребенка, какъ и любознательность взрослого человѣка, не можетъ остановиться на простой вѣрѣ и ищетъ разумнаго обоснованія вѣры путемъ объясненія и приближенія къ пониманію. Такое исканіе объясненія предметовъ вѣры разумомъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ начало невѣрія. Ап. Тома требовалъ доказательства въ истинности воскресенія Христа въ самой осязательной формѣ: до тѣхъ поръ не повѣрю, пока не вложу пальца моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его. И Господь не осудилъ такой пытливости въ своемъ ученикѣ, а лишь назидательно сказалъ: не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ. Блаженны не видѣвшіе, но увѣровавшіе (Іоан. 20). Вѣра есть даръ Божій, и не всякому она дается отъ рожденія въ одинаковой мѣрѣ. Одинъ можетъ довольствоваться вѣрой въ простотѣ сердечной, другой ищетъ ея обоснованія разумомъ. Если самъ Христосъ не осудилъ апостола, которому было дано разумѣть тайны Царствія Божія, то какъ же можно осудить дѣтей за ихъ пытливость въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ сомнѣній и недоумѣній по вопросамъ вѣры? Во всякомъ дѣлѣ гибельна крайность, превращающаяся въ односторонность. Средневѣковая схоластика стремилась выводить каждую богооткровенную истину изъ человѣческаго разума и дѣйствительно впадала въ односторонній раціонализмъ, русская же древность ушла въ противоположную сторону—въ преклоненіе преданіямъ старцевъ, въ служеніе буквѣ. «Мнѣніе всѣмъ ересямъ мати, мнѣніе—второе паденіе». Угнетенная Русь не могла допустить живой мысли, сопоставленія, сообра-

женія въ дѣлахъ, относящихся не только къ существу вѣры, но даже и къ обрядности. Русскіе обрядопоклонники приняли на себя охрану всего прежняго благочестія, рѣшивъ, что «истина не только дана человѣчеству, что справедливо, но что она дана въ совершенно готовой окончательной формѣ. Въ умахъ нѣкоторыхъ законоучителей такой взглядъ на истину держится и до сего дня, и они опасаются возникновенія того, что уже давно существуетъ».

Трата времени на разрѣшеніе вопросовъ учениковъ въ классѣ не такъ значительна, какъ она можетъ показаться съ перваго взгляда. Количество вопросовъ на каждомъ урокѣ не восходитъ далѣе 4—5, при чемъ нѣкоторые изъ вопросовъ требуютъ для своего разрѣшенія лишь нѣсколько словъ. Польза же разрѣшенія недомѣній дѣтей, какъ въ смыслѣ пробужденія въ нихъ самодѣятельности, въ смыслѣ оживленности веденія занятій, такъ и въ исправленіи неправильности дѣтскаго пониманія—несомнѣнна. Постоянное обращеніе воспитанника къ наставнику пріучаетъ ученика смотрѣть на своего учителя, какъ на лицо авторитетное и близкое, а вмѣстѣ съ этимъ и подчиняетъ волю ребенка волѣ учителя. А такое подчиненіе ученика учителю на первыхъ порахъ ученія, безъ сомнѣнія, можетъ принести весьма существенную пользу дѣлу воспитанія.

Всѣми признана та истина, что на вопросъ ребенка весьма часто отвѣтить несравненно труднѣе, нежели на вопросъ взрослого человѣка. Первый понимаетъ только ясное, наглядное представленіе, второй же можетъ быть вовлеченъ въ потокъ словъ, которыхъ онъ не понимаетъ, но съ которыми связываетъ своеобразныя представленія. Руководясь такимъ соображеніемъ, противники пробужденія въ дѣтяхъ разсудочной дѣятельности относительно пониманія вопросовъ вѣры высказываютъ опасеніе за то, что неожиданные вопросы учениковъ могутъ затруднить самого законоучителя и тѣмъ уронить его авторитетъ въ глазахъ учениковъ. А такъ какъ многіе готовы смѣшивать религію съ духовенствомъ, то силятся доказать, что отъ такого отношенія къ занятіямъ можетъ пасть уваженіе и благоговѣніе къ самой религіи. Но въ этихъ соображеніяхъ вѣрно лишь то, что вопросы учениковъ могутъ затруднить иногда самого законоучителя. Изъ этого положенія одинъ выводъ: законоучитель долженъ быть человѣкомъ всесторонне образованнымъ. Для этого не требуется большой учености, а лишь интересъ ко всякому по-

лезному знанію и постоянная вдумчивость. При соблюденіи этихъ условій законоучитель будетъ въ состояніи разрѣшить большинство вопросовъ учениковъ. Если даже онъ не можетъ сказать чего либо тотчасъ, то можетъ отсрочить отвѣтъ до слѣдующаго раза, и эта отсрочка нисколько не умалитъ его значенія въ глазахъ дѣтей, а тѣмъ болѣе она не грозитъ благоговѣнію къ христіанской вѣрѣ. Источникъ познанія истины для законоучителя находится главнымъ образомъ въ книгахъ Св. Писанія и въ книгѣ природы. Поэтому никакая глушь, никакая отдаленность отъ центровъ умственной жизни не можетъ препятствовать законоучителю въ приобрѣтеніи имъ знаній, служащихъ къ усовершенствованію преподаванія закона Божія въ школѣ.

Не страшно на дѣлѣ и опасеніе относительно внесенія въ занятія несерьезныхъ, смѣхотворныхъ и каверзныхъ вопросовъ со стороны склонныхъ къ шалостямъ и бездѣлю учениковъ. Сами ученики относятся къ подобнымъ выходкамъ неодобрительно, и шалуны, при серьезномъ отношеніи къ дѣлу самого учащаго, успѣха не имѣютъ. Въ классѣ, представляющемъ собою двѣ постоянно воюющихъ стороны—учителя и учениковъ, замѣчается стремленіе поставить учителя въ затруднительное положеніе вопросами, представляющимися для учениковъ совершенно неразрѣшимыми. Хотя большинство подобныхъ вопросовъ имѣетъ довольно простое разрѣшеніе, но самый тонъ предьявленія ихъ вноситъ въ школьную атмосферу непріятный осадокъ враждебности дѣтей къ своимъ руководителямъ. Эти вопросы обычно примѣняются въ томъ случаѣ, когда любознательность въ дѣтяхъ подавляется. Учитель же, предлагающій ученикамъ обращаться къ нему со всякими вопросами, самымъ вызовомъ на вопросы устраняетъ возникновеніе въ ученикахъ желаніе ставить учителя въ смѣшное положеніе.

Уча, мы учимся. Разрѣшеніе вопросовъ учениковъ даетъ возможность учащему замѣтить недостатки своего преподаванія и указываетъ на пути устраненія ихъ.

Нѣкоторые дѣтскіе вопросы кажутся для взрослого наивными и не заслуживающими серьезнаго отвѣта на нихъ. Но такой взглядъ на чужое мнѣніе показываетъ въ насъ недостатокъ истиннаго воспитанія. Серьезность, дѣловитость, зрѣлость мысли—понятія относительныя, и нѣтъ сомнѣнія, что соображенія даже интеллигентнаго обывателя представляются дѣтски-наивными ученымъ спеціалистамъ

той или другой группы наукъ. Да и кромѣ того, ребенокъ, какъ и мало привыкшій къ изложенію своихъ мыслей человекъ, затрудняется въ подборѣ нужныхъ словъ и оборотовъ, когда у него является потребность высказать вслухъ свою мысль. Руководитель воспитанія обязанъ придти на помощь ученику въ этомъ случаѣ и терпѣливо выслушать его сбивчивую рѣчь. Вѣдь мысль ребенка для него самого представляется дѣльной и важной, а пренебреженіе ею учителя равносильно жестокому оскорбленію дѣтской души. При толковомъ изложеніи мысли дѣтей изъ наивныхъ превращаются въ дѣльные и остроумныя. Такъ напр., въ моей практикѣ былъ предложенъ однимъ маленькимъ ученикомъ вопросъ: «Ходили ли пророки другъ къ другу въ гости?» Съ перваго раза подобный вопросъ можетъ показаться неразумнымъ, но онъ по провѣркѣ не оказался такимъ. Оказалось, что ученикъ хотѣлъ услышать, похожи были пророки на всѣхъ людей или же нѣтъ? На основаніи этого отвѣта ребенокъ думалъ построить выводъ: если пророки были совершенно особенные люди, то подражать имъ невозможно и ученію ихъ подчиняться не обязательно. Учитель долженъ смотрѣть на своихъ учениковъ съ высоты, знать всѣ ихъ нужды, но не свысока. Пренебрежительное отношеніе во всякомъ человекѣ, а особенно въ ребенкѣ, производитъ самое тяжелое впечатлѣніе, и способно ожесточить и самую мягкую душу. Съ какимъ неудовольствіемъ и недружелюбіемъ смотритъ ребенокъ на человека, помѣшавшаго ему въ игрѣ, испортившаго плоды его стараній въ приспособленіи мѣста для забавъ и проч. И подавить въ ребенкѣ это неудовольствіе невозможно. Взрослые требуютъ къ себѣ уваженія со стороны дѣтей, и они обязаны сами показывать это уваженіе своимъ собственнымъ примѣромъ. Въ противномъ случаѣ дитя окажется благовоспитаннымъ взрослою. Чего нѣтъ въ насъ самихъ, того мы не можемъ воспитать и въ нашихъ дѣтяхъ. Учитель не начальникъ, а лишь братъ учениковъ. Эта истина настолько важна въ жизни школы, что ее необходимо помнить и повторять постоянно.

Всякій вопросъ можетъ быть поставленъ учителю безъ всякаго опасенія оскорбить послѣдняго. Ученикъ оскорбитъ учителя не можетъ, такъ какъ они представляютъ собою величины несоизмѣримыя, какъ дающій и получающій. А страхъ предъ учителемъ способенъ уничтожить въ корнѣ любознательность учащихся. Спрашивающій не долженъ бояться ни преценія, ни насмѣшки не

только со стороны учителя, но и своих сверстниковъ. Въ этомъ отношеніи преподаватель, какъ предсѣдатель всякаго собранія, оберегаетъ учениковъ отъ всякой неприятности. Поползновеніе нѣкоторыхъ любителей посмѣяться надъ неудачнымъ выраженіемъ или надъ кажущейся меньшей понятливостью товарища необходимо подавлять въ самомъ началѣ, какъ сорное растеніе необходимо вынмывать при самомъ всходѣ, и это подавленіе достигается довольно легко, съ пользой и назиданіемъ для смѣющагося. Обычно насмѣшникъ надъ непонятливостью другого самъ понимаетъ меньше его. Поэтому достаточно предложить насмѣшнику объяснить товарищу непонятое имъ. При неудачѣ требуемаго объясненія охота къ насмѣшничеству быстро пропадаетъ, и занятія принимаютъ въ школѣ свой дѣловой характеръ. При соблюденіи уваженія къ вопросу каждаго ученика, какъ со стороны его товарищей, такъ и со стороны учителя, создается благопріятная обстановка для свободного развитія интереса въ дѣтяхъ къ предмету урока и для задушевнаго обмѣна самыми сокровенными настроеніями между ученикомъ и учителемъ. Возможно, что вопросъ одного воспитанника предносится въ неясной формѣ предъ сознаніемъ многихъ другихъ его сотоварищей, но они не могутъ уловить этого вопроса, не могутъ надлежащимъ образомъ высказать его.

На объясненіе каждаго вопроса отводится подлежащее время для выясненія, какимъ бы пустымъ на первый взглядъ ни казался самый вопросъ. Такой пріемъ дѣйствуетъ ободряющимъ и развивающимъ образомъ на слабыхъ, робкихъ и застѣнчивыхъ дѣтей и даетъ имъ то, что въ нихъ отъ природы развито слабо. Робкіе ученики относятся почти всегда по своему характеру къ типу т. н. эмоціальному, т. е. живущему въ наибольшей степени чувствомъ. Для такихъ дѣтей необходимы внѣшнія побужденія и сильная поддержка въ умственномъ развитіи. Предоставленныя же сами себѣ такія дѣти легко поддаются извращенности чувствъ, такъ какъ эта сторона ихъ душевной жизни не руководится разумомъ, при слабости развитія умственныхъ способностей. Обращаясь съ вопросами, слабые въ умственномъ отношеніи ученики приносятъ пользу и своимъ товарищамъ, такъ какъ они обращаютъ вниманіе на такія стороны предмета, которыя ускользаютъ изъ поля зрѣнія дѣтей разсудочнаго или волевого характера. Вопросы и недоумѣнія обычно возникаютъ въ умахъ учениковъ во время хода урока, и они ста-

граются сейчас же получить на нихъ отвѣтъ. Въ младшемъ отдѣленіи удовлетвореніе такой потребности учащихся не встрѣчаетъ особаго затрудненія, такъ какъ большая часть преподаванія на первой ступени обученія ведется въ видѣ разговора между учителемъ и учащимися. Въ старшихъ же отдѣленіяхъ, гдѣ приходится примѣнять и акроаматическую форму преподаванія, прерываніе урока вопросами можетъ мѣшать цѣлостности впечатлѣнія. Поэтому наиболѣе успѣшнымъ и полезнымъ для дѣла можетъ считаться порядокъ немедленнаго предьявленія вопроса ученикомъ въ младшей группѣ, какъ только этотъ вопросъ возникаетъ въ его умѣ, а въ старшихъ—вопросъ ставится по окончаніи какого либо болѣе крупнаго отдѣла въ урокъ. Дѣти первогодники не въ состояніи запомнить и продержать въ умѣ вопроса въ продолженіе даже двухъ минутъ. Разъясненіе вопроса дѣлается или законоучителемъ, или кѣмъ либо изъ учениковъ, по ихъ желанію. Хотя объясненіе дается по частному вопросу, но объясненіе примѣняется ко всему классу, такъ какъ занятія въ школѣ ведутся не съ отдѣльными учениками. Сказанное для одного служитъ для большаго пониманія, для болѣе твердаго усвоенія и другими. Лучшимъ способомъ разрѣшенія дѣтскихъ вопросовъ служитъ эвристическая форма преподаванія, на которую нѣкоторые законоучители совершенно несправедливо нападаютъ. При этой формѣ, посредствомъ наводящихъ вопросовъ, ученикъ самъ доходитъ до правильного рѣшенія постановленнаго имъ вопроса, и это рѣшеніе сохраняется наиболѣе твердо въ его памяти. Самый процессъ отысканія нужнаго вывода приучаетъ дѣтей къ правильности мышленія, развивая въ нихъ привычку къ послѣдовательности и логичности умозаключеній, правильности переходовъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Задача школы состоитъ въ приученіи питомца къ самостоятельному слѣдованію правдѣ и добру въ жизни, а не къ одному подчиненію авторитету. Въ жизни мы сами должны знать, какъ удобнѣе примирить идеаль съ дѣйствительностью, свободное стремленіе къ горнему міру съ земной необходимостью. Конечно, школа не имѣетъ возможности предусмотрѣть и разрѣшить всѣ сомнѣнія и недоумѣнія, какія могутъ возникнуть въ тотъ или иной періодъ жизни въ душѣ человѣка, но она должна дать наиболѣе вѣрный методъ къ рѣшенію вопросовъ вѣры и нравственности.

Каждый вопросъ ученика рѣшается немедленно въ классѣ, но изрѣдка встрѣчаются на дѣлѣ такіе вопросы, на которые дать отвѣтъ для законоучителя затруднительно. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе вопроса можетъ быть отложено до слѣдующаго или даже до одного изъ слѣдующихъ уроковъ. Хотя законоучитель и долженъ стоять по бразованію на высокой ступени, но онъ не всевѣдущъ. Въ моей личной практикѣ, при повѣтвованіи объ исцѣленіи Спасителемъ сухорукаго, былъ предложенъ вопросъ: «отчего можетъ высохнуть рука». За разрѣшеніемъ этого вопроса пришлось обратиться къ физиологіи, изъ которой и получился отвѣтъ, что тотъ или другой членъ можетъ перестать получать питаніе вслѣдствіе паралича питательныхъ нервовъ, при дѣятельности чувствующихъ, а иногда и двигательныхъ. Послѣ такого объясненія внѣшняя сторона чуда стала совершенно понятной, что вообще необходимо при выясненіи чудесъ, съ цѣлью выдѣленія чудеснаго элемента отъ обыденнаго.

Всякій отвѣтъ только въ томъ случаѣ достигаетъ успѣха, если онъ дается прямо на вопросъ, ясно, опредѣленно и убѣжденно. Всякое уклоненіе въ сторону, всякое замалчаваніе какихъ либо существенныхъ свойствъ предмета въ отвѣтъ на вопросъ возбуждаетъ сомнѣніе воспитанника и парализуетъ то горячее довѣріе, съ которымъ обращается ребенокъ къ воспитателю въ своемъ недоумѣніи. Такъ напр., ученикъ спрашиваетъ: правда ли, что есть адъ? Преподаватель вмѣсто прямого отвѣта ссылается на ученіе церкви или на Священное Писаніе. Ученикъ хочетъ слышать убѣжденное слово самого законоучителя, и оговорка его ведетъ неминуемо къ нѣкоторому колебанію спрашивающаго. Въ чемъ законоучитель увѣренъ самъ, о томъ онъ и говоритъ смѣло и рѣшительно, и эта смѣлость привлекаетъ къ вѣрѣ невѣдующихъ ее.

При надлежащемъ довѣрїи дѣтей къ наставнику вопросы послѣднихъ не ограничиваются чисто теретическою областью знанія, а касаются всѣхъ сторонъ жизни. Такая близость учениковъ къ учителю можетъ явиться наградой за его любовь къ дѣтямъ, и онъ можетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ воспитателемъ своихъ учениковъ.

Весьма полезно всѣ вопросы учениковъ записывать, и эта записъ можетъ служить законоучителю довольно вѣрнымъ показателемъ внутренней жизни его учениковъ изъ года въ годъ. Для иллюстраціи оживленія уроковъ вопросами учениковъ я приведу нѣ-

которые изъ этихъ вопросовъ, съ приблизительнымъ разрѣшеніемъ ихъ.

1. Почему Ной не вышелъ самъ изъ ковчега посмотрѣти, просохла ли земля, а выпустилъ сначала ворона, а потомъ голубя? Вопросъ показываетъ, что ученикъ не относится совершенно безучастно къ разсказу о выходѣ Ноя изъ ковчега, а хочетъ знать подробности этого событія. Ясно, что разсказъ подѣйствовалъ на спрашивающаго и можетъ побудить его къ подражанію праведности Ноя.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ давался мною отъ себя, въ качествѣ догадки и велся приблизительно такъ.

— Гдѣ остановился ковчегъ? *Учен.* На горѣ Араратъ. *Я.* Гора Араратъ очень высока, по прямому пути верстъ пять въ вышину. Но на высокія горы прямокомъ взбираться нельзя, а приходится обходить гору тропинками. Этихъ обходовъ при пятиверстной высотѣ набирается верстъ до пятидесяти. На большихъ горахъ не мало обрывовъ и ущелій. Въ эти ущелья не трудно упасть и погибнуть. А такъ какъ вода при остановкѣ ковчега на горѣ еще стояла на землѣ, то и прямо было страшно идти съ горы человѣку.

2. Гдѣ теперь находится ковчегъ? — Этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о судьбѣ ковчега завѣта, весьма интересуеъ всѣхъ учениковъ, и ихъ весьма огорчаетъ неизвѣстность судьбы того и другого.

3. Зачѣмъ Авраамъ связалъ Исаака? Вѣдь Исаакъ добровольно подчинился отцу. Этотъ вопросъ приходится разрѣшить психологически.

— Исаакъ согласился стать жертвой, но въ то время, когда Авраамъ заносилъ надъ нимъ ножъ, Исаакъ могъ испугаться и противъ своей воли убѣжать отъ отца.

4. Почему Иаковъ упрекнулъ Іосифа за разсказанные имъ сны? Развѣ человѣкъ виноватъ въ томъ, что ему снится?

— Мы видимъ во снѣ то, о чемъ думаетъ на яву. Потому мы можетъ быть виноватыми въ своихъ сновидѣніяхъ. Можетъ быть, Иаковъ не повѣрилъ Іосифу, что тотъ разсказанное видѣлъ во снѣ, а не придумалъ самъ.

5. Почему Иродіада просила у Ирода не полцарства, въ которомъ бы находился и Предтеча, а лишь его голову.

— Иродъ безъ разрѣшенія римскаго императора не могъ расчлениваться ни одной деревушкой. Потому Иродіада и просила лишь возможнаго.

Я привожу только эти вопросы, хотя записано ихъ у меня не менѣе сотни, но приведеніе ихъ всѣхъ не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ въ каждой школѣ возможны свои особенные вопросы, притомъ не одинаковые въ разные годы, хотя бы и на одной и той же ступени обученія. Одинаковыя условія жизни, обстановки, питанія, предварительной домашней подготовки не создаютъ однороднаго духовной жизни дѣтей, а даютъ поразительное разнообразіе, весьма назидательное для сторонниковъ мысли о созданіи человѣческой индивидуальности не внутренней сущностью человѣка, а внѣшними причинами.

Между записанными вопросами встрѣчаются и прямо наивные, напр., почему серебрянный крестъ не тонетъ при погруженіи его при водоосвященіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ— потому что священникъ держитъ крестъ руками, но для ребенка это рѣшеніе было новостью. Большинство же вопросовъ представляютъ собою логическое развитіе мыслей, усвоенныхъ учениками на урокахъ, показывающее и наблюдательность и вдумчивость нѣкоторыхъ дѣтей.

Желаніе получить опредѣленный отвѣтъ на свои думы, задаваніе вопросовъ учащему служить на урокѣ закона Божія тѣмъ средствомъ возбужденія интереса къ ученю, пониманія и усвоенія его не только умомъ и памятью, а сердцемъ и волей, какимъ на прочихъ урокахъ являются работы и упражненія, которыя на урокѣ закона Божія совсѣмъ неумѣстны и не полезны. Но интересъ и самостоятельность учениковъ не являются сами собой, а нуждаются въ возбужденіи и развитіи ихъ учителемъ.

Встрѣчаются однако въ школѣ такіе ученики, которые не поддаются обыкновенному вліянію учителя и остаются безучастными ко всему, что не касается ихъ шалостей и выдумокъ, иногда очень вредныхъ и довольно грубыхъ. Подобные ученики доставляютъ не мало огорченій учителю, но они требуютъ отъ воспитателя большаго терпѣнія и любви, они для учителя искушеніе, ниспосылаемое для упражненія въ любви и кротости. Относительно такихъ учениковъ я позволю себѣ привести небольшую выдержку изъ книги Янжуль *Американская школа*. «Любопытны, пишетъ г-жа Янжуль, сообщаемыя въ американскихъ педагогическихъ журналахъ приемы учителей и учительницъ для укрощенія непослушныхъ дѣтей и для поощренія ихъ къ прилежанію. Одна учительница

вывела обычай перешептываться въ своемъ классѣ тѣмъ, что приостанавливала урокъ и предоставляла виновному открыто продолжать свой разговоръ, выражая предположеніе, что у Джона, видно, дескать, есть что нибуть важное сообщить, если онъ не слушаетъ урока и нарушаетъ тишину. Пристыженный мальчикъ замолкъ, и послѣ этого ему не нужно было дѣлать въ другой разъ замѣчанія. Одному ученику особенно не давалась математика, и онъ особенно ненавидѣлъ геометрію. Учитель заинтересовалъ его тѣмъ, что обѣщаль ему въ полѣ измѣрить разстояніе, не подходя къ самому предмету. Ученикъ заинтересовался геометріей и началъ оказывать усилія по математикѣ.

Одна учительница сельской школы приручила мальчика, имѣвшаго обыкновеніе съ ранней весны убѣгать на луга, куда его влекло непреодолимое стремленіе, тѣмъ, что, по собственной инициативѣ отпускала его на полчаса или на часъ съ порученіемъ принести извѣстный видъ цвѣтовъ для урока по естественной исторіи. Изъ этихъ рассказовъ видно, что наши заатлантическіе сотоварищи по работѣ стремятся дѣйствительно привлечь своихъ учениковъ къ труду, воздѣйствуя на нихъ не наказаніями, а способами, вычитанными въ самой природѣ и наклонностяхъ ребенка... Учитель, который умѣетъ оцѣнить усиліе ребенка и вознаградить его одобрительнымъ словомъ, обыкновенно будетъ имѣть учениковъ послушныхъ и исполнительныхъ.» (Американская школа, изд. 1901 г., стр. 27).

Ребенокъ не можетъ быть разсматриваемъ только какъ воспитываемое существо: онъ живетъ и имѣетъ право на жизнь. Его стремленія, его мысли, его сомнѣнія и недоумѣнія въ глазахъ воспитателя должны имѣть значеніе и не только не должны быть притѣсняемы и заглушаемы, а наоборотъ поощряемы и возбуждаемы.

Надъ вольной мыслью Богу неуютны
Насиліе и гнетъ,
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ. (*А. Толстой*).

Задавить полетъ мысли не можетъ никакая физическая сила, да и не дѣло учителя стремиться къ убійству того, что по своей природѣ бессмертно.

Вспомогательныя средства въ преподаваніи Закона Божія.

I. Картины, знакомство съ библейской географіей, рисованіе.

Однимъ изъ основныхъ требованій преподаванія всѣхъ предметовъ курса начальной школы служить наглядность, понимаемая или въ смыслѣ наглядности предметной, или же словесной. Преимущественно значеніе имѣетъ первая, и только при невозможности примѣненія къ дѣлу ея допускается низшій видъ наглядности—картинное изображеніе предмета словами. Нѣкоторые предметы преподаванія по самому своему существу даютъ богатый матеріалъ для ознакомленія воспитанниковъ съ тѣми произведеніями природы или человѣческаго ума, о которыхъ они слышатъ рѣчь учителя и читаютъ въ книгѣ. Таково прохожденіе естествознанія, начального счисленія, особенно на первой ступени изученія дѣйствій надъ числами перваго десятка, таково же во многихъ случаяхъ объяснительное чтеніе. Во время занятій, въ лучшемъ случаѣ, предъявляется ученикамъ самый предметъ, а ученики сами воспроизводятъ его посредствомъ ручного труда. За отсутствіемъ предмета дается его картина, планъ, схема. Многіе содержатели начальныхъ школъ озаботились снабженіемъ ихъ т. н. музеями, въ которыхъ собраны тѣ предметы, съ которыми дѣти знакомятся въ школѣ. По наблюденіямъ педагоговъ обученіе посредствомъ ознакомленія съ самыми предметами и особенно посредствомъ самостоятельнаго воспроизведенія ихъ учащимися въ весьма значительной степени облегчаетъ трудъ учащихся и даетъ ясныя и твердыя свѣдѣнія имъ.

Однако нельзя не замѣтить, что предметный методъ проведенъ до конца въ школѣ быть не можетъ и по отсутствію самыхъ предметовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и по самому содержанію изучаемаго матеріала. Такъ напр., нельзя вести преподаваніе ариѳметики

на высшихъ ступеняхъ посредствомъ предметнаго метода, да и цѣль преподаванія ея въ конечномъ результатѣ не можетъ ограничиться пріученіемъ дѣтей къ одному только инструментальному счету, такъ какъ сама жизнь во многихъ случаяхъ требуетъ примѣненія воображенія и логическаго мышленія въ рѣшеніи той или другой практической задачи.

При господствѣ въ школахъ предметнаго метода дѣти пріучаются понимать и усваивать всякое знаніе черезъ изученіе предмета и плохо справляются со словесными объясненіями. Для нихъ начинается существовать только видимое глазами и осязаемое руками, а воображеніе не видимаго въ данный моментъ не только расплывается, но совершенно не появляется предъ ихъ духовнымъ взоромъ. Въ такомъ положеніи трудно усвояемаго предмета остается законъ Божій. Въ преподаваніи его динамическій методъ совершенно не примѣнимъ, а предметная система возможна лишь въ прохожденіи практической части закона Божія—въ прохожденіи курса богослуженія. Только объясненіе внѣшняго и внутренняго вида храма и его принадлежностей можетъ быть сдѣлано при демонстраціи самыхъ предметовъ объясненія. Прочіе же отдѣлы закона Божія должны довольствоваться словеснымъ изложеніемъ. Почти единственнымъ пособіемъ на урокахъ этого предмета могутъ служить картины, и ими слѣдуетъ пользоваться въ самой широкой степени, при всякой возможности, удовлетворяя тѣмъ хотя нѣсколько предметной наглядности. Способы веденія уроковъ по картинамъ составляютъ особый отдѣлъ въ каждой удовлетворительной методикѣ преподаванія закона Божія въ школахъ, но съ особенной обстоятельностью они разработаны въ книгѣ прот. Пѣвцова «Опытъ методическаго руководства для народныхъ бесѣдъ по картинамъ въ священной исторіи». Картина на урокѣ можетъ быть примѣняема двумя способами: или картина берется за исходный пунктъ урока, и отъ нея ведется объясненіе, или же она служитъ лишь къ повторенію и закрѣпленію проработаннаго матеріала.

Первый пріемъ состоитъ въ томъ, что ученики, подъ руководствомъ и по указаніямъ наставника, рассматриваютъ картину прежде выясненія урока, не какъ изображеніе священно-историческаго событія, а какъ простую видимую сцену изъ жизни древняго или новаго времени. Разборъ картины ведется, приблизительно, такъ. Преподаватель помѣщаетъ картину на виду всего класса, прикрѣп-

для ее къ классной доскѣ или дѣлая ее видимой всѣмъ ученикамъ какимъ либо другимъ способомъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Нѣкоторые законоучители предлагаютъ обходить съ картиной классъ и показывать ее каждой отдѣльной группѣ учащихся, но такой приемъ развлекаетъ вниманіе дѣтей и приводитъ къ веденію занятій не со всѣми одновременно, а лишь съ отдѣльными учениками въ разные моменты. Занятія же съ одной группой и оставленіе на произволь другихъ давно, по справедливости, осуждены практикой учебнаго дѣла и повторяться теперь не должны. Видѣть картину ученики должны всѣ одновременно и только на ней въ извѣстный моментъ сосредоточить свое вниманіе, не отвлекаясь ничѣмъ постороннимъ для разсматриванія картины.

Укрѣпивъ надлежащихъ образомъ картину, наставникъ, по заранѣе обдуманному плану, обращаетъ вниманіе учениковъ на отдѣльныя части картины, сообразно съ веденіемъ послѣдующаго библейскаго сказа. Сами дѣти обычно разсматриваютъ то, что имъ знакомо, что затрогиваетъ ихъ чувство, и потому нуждаются въ бдительномъ руководствѣ при самомъ разсматриваніи картины. Такъ напр., при обзорѣ картины *Срътенія Господня* мальчики обращаютъ вниманіе не на главныя фигуры картины, а на голубей, при чемъ городскія дѣти, знакомыя съ голубинымъ спортомъ, стараются опредѣлить по виду, къ какой разновидности принадлежатъ нарисованные птенцы голубиныя. При показываніи картины взятія Моисея изъ воды дѣвочки внимательно разсматриваютъ нарядъ и прическу фараоновой дочери. При разборѣ картины Жертвоприношеніе Исаака обращаетъ на себя главное вниманіе барашекъ, запутавшійся въ кустахъ. Вообще относительно разсматриванія картинъ дѣтьми можно замѣтить, что они обращаютъ часто вниманіе на такія подробности, которыя совершенно ускользаютъ отъ взора взрослого человѣка. Поэтому картина, обзорѣваемая дѣтьми безъ всякаго руководства, не даетъ тѣхъ результатовъ, какіе отъ нея ожидаются въ качествѣ учебнаго пособія, а иногда можетъ отвлечь вниманіе дѣтей въ совершенно противоположную уроку сторону.

По указаніямъ и наводящимъ вопросамъ преподавателя ученики опредѣляютъ по внѣшности дѣйствующихъ лицъ и обстановку картины. Опредѣленія дѣтей записываются наставникомъ на классной доскѣ и обращаются въ связанный разговоръ, безъ обозначенія

библейскихъ именъ и событій, а лишь сообразно со вѣшностью. Добытый такимъ образомъ посредствомъ самостоятельной работы мысли и воображенія дѣтей рассказъ твердо запоминается ими съ одного раза и служитъ основаніемъ для дальнѣйшаго библейскаго повѣствованія.

Заключивъ этотъ рассказъ, наставникъ замѣняетъ родовыя и видовыя названія личными. Напр., вмѣсто названія старецъ говоритъ праведный старецъ Симеонъ, вмѣсто старушка—праведная Анна пророчица, вмѣсто молодая мать съ ребенкомъ—Пресвятая Дѣва Марія съ младенцемъ Иисусомъ Христомъ и т. д. При такой разработкѣ урока дѣти сами принимаютъ участіе въ составленіи рассказа чрезъ разсматриваніе картины и твердо запоминаютъ повѣствованіе посредствомъ различнаго рода впечатлѣній—зрительныхъ, слуховыхъ и двигательныхъ или моторныхъ. Наибольшее участіе воспріятій даетъ и наибольшее количество представленій, а потому въ нѣкоторомъ отношеніи веденіе урока посредствомъ предварительнаго обзрѣнія картины имѣетъ безспорныя преимущества. Одни люди могутъ запомнить слово только написаннымъ на доскѣ, другіе только произнесеннымъ вслухъ, третьи—въ наглядныхъ образахъ. Большинство же владѣетъ всѣми тремя способами запоминанія въ извѣстной мѣрѣ. Потому разборъ картины до рассказа даетъ возможность приспособленія ко всѣмъ типамъ воспріятія.

Второй способъ веденія занятій заключается въ томъ, что сначала ведется урокъ въ видѣ послѣдовательнаго рассказа, и преподаватель или во время рассказа обращаетъ вниманіе дѣтей на тѣ или инныя подробности картины, или же указываетъ на картинѣ по окончаніи рассказа на лицъ и на обстановку.

Для болѣе яснаго представленія о веденіи уроковъ по первому и второму способу мы приведемъ изложеніе притчи о *Мытарѣ и Фарисеѣ* въ обоихъ видахъ.

Законоучитель показываетъ картину и спрашиваетъ учениковъ, отмѣчая стоящія фигуры Мытаря и Фарисея. Кого вы видите на картинѣ? *Ученики:* двоихъ людей. *Преп.* Гдѣ эти люди стоятъ? *Учен.* Въ церкви. *Преп.* Почему вы думаете, что два человѣка стоятъ въ церкви? *Учен.* Здѣсь нарисованы столбы (колонны), лампы, подсвѣчники. *Преп.* Что дѣлаютъ эти два человѣка? *Учен.* Молятся Богу. *Преп.* Какъ держитъ голову и гдѣ стоитъ.

первый человек и какъ второй? *Учен.* Одинъ поднялъ голову и стоитъ впереди, а другой опустилъ. *Преп.* Какіе люди высоко поднимаютъ голову и какіе опускаютъ ее внизъ? *Учен.* Гордые поднимаютъ голову, а смиренные опускаютъ.

Преп. Мы видимъ на картинѣ вотъ что. Два человека пришли въ церковь молиться Богу. Одинъ изъ этихъ людей былъ гордый, а другой смиренный. Гордый всталъ впереди и поднялъ голову вверхъ, а смиренный всталъ позади и опустилъ голову на грудь. Который изъ этихъ двоихъ людей молился Богу лучше?

За этимъ разборомъ ведется рассказъ притчи, какъ онъ изложенъ въ евангеліи.

По второму способу законоучитель или самъ говоритъ: это нарисованъ фарисей, это—мытарь. Фарисей, какъ вы видите поднялъ голову вверхъ, а мытарь со смиреніемъ ее опустилъ. Или же преподаватель предлагаетъ дѣтямъ: укажите, который человекъ фарисей и который мытарь? Посмотрите, какъ стоятъ они оба. Фарисей говоритъ: Боже, благодарю Тебя..., а мытарь говоритъ: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Не трудно замѣтить, что первый способъ веденія урока ставить рассказъ преподавателя въ зависимость отъ картины, а не отъ выраженій Библии. Въ этомъ случаѣ необходимо имѣть картины, вполне совпадающія съ духомъ и съ буквой библейскаго повѣствованія. Но такихъ картинъ нѣтъ и быть не можетъ. Каждый художникъ непременно вкладываетъ свою душу, свое пониманіе и толкованіе въ создаваемую имъ картину. Поэтому разнообразіе въ картинахъ неминуемо ведетъ въ различію и въ изложеніи рассказа. Поэтому въ одной школѣ можетъ явиться одна священная исторія, а въ другой совершенно иная. Да и необходимо замѣтить, что существующія картины для школьнаго употребленія весьма несовершенны. Онѣ рисуются въ большинствѣ случаевъ не художниками, а живописцами, и потому страдаютъ не малымъ количествомъ недостатковъ и въ художественномъ отношеніи, и въ техническомъ. А это несовершенство совпадаетъ съ несоотвѣтствіемъ картины идейному содержанию изображаемаго сюжета.

Поэтому веденіе уроковъ по первому способу можетъ быть примѣняемо съ большою осмотрительностью, какъ пригодное въ учебномъ, но не вполне цѣлесообразное въ воспитательномъ отношеніи.

Веденіе уроковъ при помощи картинъ наиболее желательное въ младшемъ отдѣленіи, когда дѣти не могутъ сосредоточить своего вниманія на предметѣ лишь воображаемомъ, а не находящемся предъ ихъ глазами, но показываніе картинъ не исключается при прохожденіи и вообще всѣхъ отдѣловъ курса закона Божія, начиная заучиваніемъ молитвъ. Такъ, при прохожденіи молитвы мытаря показывается картина, изображающая въ лицахъ притчу *О мытарь и фарисей*, при заучиваніи славословія Святъ, святъ... картина призванія Исаи къ пророческому служенію, при заучиваніи молитвы Іова—картина страданій этого праведника, при прохожденіи молитвы Св. Духу—картина Сошествія Св. Духа на апостоловъ, при изученіи молитвы Богородице Дѣво—картина Благовѣщенія и посѣщенія Божіей Матерью праведной Елизаветы, при прохожденіи молитвы Господней—картина Нагорной проповѣди. Конечно, картины въ прохожденіи молитвъ не могутъ имѣть того же значенія, какое достигается ими въ предметныхъ бесѣдахъ, но онѣ привлекаютъ вниманіе дѣтей къ словесному изложенію урока и тѣмъ содѣйствуютъ развитію въ дѣтяхъ интереса къ предмету бесѣды преподающаго.

Послѣ разсматриванія и разбора картины можетъ быть примѣнено хорошее заучиваніе текста молитвъ и повтореніе его дѣтьми по одиночкѣ. Самый текстъ въ этомъ случаѣ входитъ въ ассоціацію съ представленіемъ о показанной картинѣ и усваивается съ большимъ успѣхомъ, какъ въ смыслѣ запоминанія, такъ и сохраненія въ памяти. Въ первомъ отдѣленіи начальной школы въ теченіе всего перваго полугодія нельзя давать уроковъ на домъ, въ видѣ заучиванія текста молитвъ, такъ какъ дѣти еще не умѣютъ въ это время читать. Учащіе средней школы позволяютъ надѣяться на помощь своимъ ученикамъ ихъ домашнихъ и даютъ заучиваніе дѣтямъ до приобрѣтенія ими умѣнья читать, но начальная школа не должна слѣдовать такой педагогической безтактности. «Задаваніе уроковъ ребенку приучаетъ его сначала *хотѣть*, а потомъ достигать того, что онъ хотѣлъ, т. е. *мочь*». (Гюйо. Воспит. и наслѣдств. стр. 31). Не умѣющій читать не можетъ хотѣть заучивать что-либо по книгѣ до приобрѣтенія этого умѣнья, поэтому и задаваніе уроковъ неграмотнымъ не умѣстно. Въ первомъ отдѣленіи все, что должно быть заучено, по возможности вполне, заучивается подъ руководствомъ наставника, такъ какъ силы дѣтей слабы, и вниманіе ихъ не приучено къ нужному задержанію.

Законъ Божій не даетъ возможности всѣ истины пройти наглядно, такъ какъ въ этомъ предметѣ многое усваивается не опытомъ и не разумомъ, а лишь вѣрой. Поэтому нѣкоторые уроки остаются даже безъ такого несовершеннаго пособія, какимъ является картина. Для болѣе успѣшнаго прохожденія молитвъ и главнѣйшихъ истинъ христіанства нѣкоторые опытные преподаватели распредѣляютъ учебный матеріалъ такъ, что уроки съ большей наглядностью чередуются съ прохожденіемъ отвлеченныхъ положеній, рассказъ о праздникѣ смѣняется заучиваніемъ молитвы, объясненіе догматическаго ученія—показываніемъ обрядовой стороны богослуженія и т. д. Такое чередованіе въ расположеніи матеріала оживляетъ преподаваніе и ободряетъ учениковъ надеждой на болѣе захватывающее содержаніе урока послѣ заучиванія. Сообразно указаніямъ программъ и объяснительныхъ записокъ къ нимъ о преподаваніи закона Божія въ школахъ на первое отдѣленіе относится не только изученіе молитвъ, но сюда же приносятся нѣкоторые отдѣлы и изъ прочихъ предметовъ преподаванія закона Божія. Поэтому наставнику предоставляется довольно большой просторъ въ выборѣ матеріала для каждаго урока.

Второе и третье отдѣленіе школы даютъ возможность пользоваться картинами почти на каждомъ урокѣ, а картинное наглядное изложеніе священной исторіи, богослуженія и церковной исторіи (если начатки ея проходятся въ третьемъ отдѣленіи) способствуетъ оживленію уроковъ и самымъ своимъ содержаніемъ. Устройство храма и богослужебныхъ принадлежностей всего удобнѣе проходитъ при разсматриваніи учениками не только рисунковъ, но самыхъ предметовъ преподаванія въ храмѣ. Въ этомъ случаѣ преподаваніе закона Божія вступаетъ въ самыя благоприятныя условія для наглядности. Кромѣ картинъ на библейскія темы для пользы дѣла далеко не излишни картины изъ природы и жизни Палестины и Египта, гдѣ происходили ветхозавѣтныя и новозавѣтныя событія, такъ какъ эти картины многое могутъ объяснить ученикамъ, знающимъ лишь свою русскую равнину и не имѣющимъ никакого представленія о горной природѣ Святой Земли. Чѣмъ большее знакомство человѣкъ имѣетъ съ извѣстной мѣстностью, тѣмъ яснѣе онъ представляетъ себѣ условія и характеръ жизни ея обитателей, тѣмъ ближе къ сердцу онъ принимаетъ все, что онъ слышитъ о нихъ.

Картина показывается всему классу на урокъ, но она далеко не излишня въ учебникѣ, какъ не излишенъ и самый учебникъ, хотя преподаваніе ведется устно въ классѣ. Какъ та, такъ и другая картина должны соответствовать художественной правдѣ и удовлетворять техническимъ требованіямъ живописи. Неправильный рисунокъ, грубая раскраска, хотя можетъ быть и не будутъ замѣчены дѣтьми, но они могутъ оставить въ нихъ уродливыя представленія, совершенно несоответствующія дѣйствительности. Наша начальная школа далеко не можетъ похвалиться обиліемъ и изяществомъ картинъ для преподаванія закона Божія: выборъ ихъ весьма ограниченъ. А потому относительно пользованія тѣми или другими картинами говорить не приходится. Но не излишне сказать, что въ самыхъ картинахъ наблюдается два противоположныхъ направленія, съ разнообразными уклоненіями то въ одну, то въ другую сторону, реализмъ и идеализмъ. Какъ то, такъ и другое направленіе, доведенныя до крайнихъ предѣловъ, являются односторонними. Было бы прямо оскорбительно для религіознаго чувства дѣтей показывать имъ Иисуса Христа, Его страданія, Его проповѣдь въ картинахъ крайнихъ реалистовъ (въ духѣ русскаго художника Ге), но не менѣе далеки отъ цѣли изображенія Благовѣщенія Богоматери въ какомъ то царскомъ чертогѣ, Рождества Богородицы—въ богатомъ домѣ и т. п., какъ это представляется художниками идеалистическаго направленія.

Въ сравнительно недавнее время явилось т. н. символическое направленіе живописи (напр., Шнайдеръ), но картины символистическія могутъ быть понятны только людямъ съ развитымъ вкусомъ. Для школы же символическая живопись совершенно непригодна.

На ряду съ библейскими картинами не маловажное значеніе имѣетъ библейская географія, понимаемая не въ смыслѣ сухого перечня городовъ, ручьевъ, долинъ, горъ и границъ Святой Земли, а въ значеніи нагляднаго изображенія, по возможности, всѣхъ отличительныхъ признаковъ рельефа мѣстности, ея исторіи, происхожденія и быта населявшихъ и населяющихъ ее народовъ. Ближайшее отношеніе географія Палестины имѣетъ къ курсу священной исторіи, но она не излишня и въ поясненіи отдѣльныхъ библейскихъ выраженій, взглядовъ и обычаевъ при прохожденіи прочихъ отдѣловъ курса закона Божія. Говорить же о библейской географіи всего естественнѣе въ примѣненіи ея къ священной исторіи.

Священная исторія, какъ и вообще всякая исторія, имѣетъ своимъ предметомъ нѣчто прошлое, совершившееся на землѣ. Всякое же событіе получаетъ достовѣрность при точномъ означеніи мѣста и времени его совершенія. Поэтому изученіе всякой исторіи сопровождается географическими и хронологическими данными. Хотя первоначальная исторія человѣчества, а въ томъ числѣ времени допотопныя, относится къ доисторической эпохѣ, и точныя данныя для тѣхъ временъ на основаніи библейской науки выведены быть не могутъ, но для школы нужны не точныя годы, а приблизительныя хронологическія указанія, которыя даются наукой съ достовѣрностью. Для нашего спасенія знаніе точныхъ сроковъ прошлаго значенія не имѣетъ, потому Священное Писаніе и не даетъ точныхъ чиселъ для установленія хронологіи патриархальныхъ временъ, относительную же послѣдовательность событій оно указываетъ, и она должна быть представлена въ преподаваніи священной исторіи. Время же подзаконное подлежитъ точному обозначенію хронологіи событій, и эта хронологія имѣетъ значеніе, какъ доказательство истинности пророчествъ о Спасителѣ, означавшихъ точно время Его пришествія на землю. Впрочемъ, начальная школа можетъ и здѣсь довольствоваться только приблизительнымъ указаніемъ на время совершенія извѣстнаго событія, такъ какъ подробное заучиваніе хронологическихъ данныхъ непосильно для дѣтей. Приблизительное указаніе на время совершенія того или другого событія нужно для ознакомленія дѣтей съ исторической перспективой и для заблаговременнаго снабженія ихъ матеріаломъ, на основаніи котораго они могутъ противодѣйствовать соблазнамъ со стороны людей невѣрующихъ, любящихъ находить противорѣчіе въ библейской хронологіи съ гипотезами геологіи и палеонтологіи, гдѣ сотни милліоновъ лѣтъ существованія ограниченной жизни на землѣ по взгляду однихъ ученыхъ свободно превращаются въ сотни и даже десятки тысячъ въ рукахъ другихъ. Отъ такихъ мнимо ученыхъ людей и имѣетъ цѣлью предохранить дѣтей указаніе на библейскую хронологію.

Но если преподаваніе священной исторіи сопровождается лишь общими приблизительными указаніями по вопросу *Когда*, то по другому не менѣе важному вопросу—*Гдѣ* преподаватель въ большинствѣ случаевъ можетъ дать вполне ясный и опредѣленный отвѣтъ, на основаніи научныхъ данныхъ по изученію древняго

и новаго положенія восточныхъ странъ. Всѣ священно-историческія событія совершились на небольшомъ пространствѣ азіатскаго и африканскаго материковъ, и библейская наука съ достаточной достовѣрностью указала въ настоящее время даже маленькіе города и зеленія, въ которыхъ происходило то или иное событіе. Знаніе же географіи востока для пониманія священной исторіи весьма существенно. Русскія дѣти, на основанія знанія своей родной природы, представляютъ климатъ Ханаанской земли такимъ же суровымъ, какъ въ большей части Россіи, съ холодной снѣжной зимой, съ леденящими вьюгами и мятелями и естественно недоумѣваютъ, какъ могъ Авраамъ жить въ теченіе всего года въ палаткѣ, какъ евреи могли странствовать цѣлыхъ сорокъ лѣтъ по пустынѣ. Немѣтя понятія о двухъ временахъ года въ подтропическихъ странахъ, дѣти не понимаютъ, почему вода тамъ цѣлится столь высоко, почему совершалось у всѣхъ восточныхъ народовъ омовеніе ногъ и т. п. Вслѣдствіе незнакомства дѣтей съ условіями жизни восточныхъ народовъ священная исторія становится для нихъ какимъ то сказочнымъ предметомъ, въ которомъ рассказывается о чемъ то совершенно не похожемъ на ту жизнь, которую дѣти наблюдаютъ вокругъ себя. Вслѣдствіе такого отношенія къ священной исторіи дѣти заучиваютъ лишь слова изъ нея, но нисколько не интересуются ею. Сердце дѣтей остается холоднымъ къ образцамъ вѣры, нравственности и надежды, обрисовывающихся въ лицѣ священныхъ лицъ. А черезъ это священная исторія теряетъ свой главный смыслъ. Какъ говорить дѣтямъ понятно о томъ, къ чему они не могутъ подобрать сравненій и подобій изъ имѣющагося у нихъ запаса свѣдѣній, чего они совершенно не могутъ себѣ представить? Самъ апостоль Павелъ, говоря о блаженствѣ будущей жизни, не указываетъ относительно этого блаженства ни одной подробности на томъ основаніи, что мы не можемъ себѣ представить того, что ухо наше не слышало, чего глаза не видѣли, а потому и на мысль намъ не приходило. Взрослый человѣкъ хотя бы въ общихъ чертахъ, неясно, неопредѣленно, можетъ вообразить невиданный имъ предметъ, но ребенокъ имѣетъ для такого воображенія слишкомъ мало опыта и наблюденій. Поэтому наставнику необходимо придти на помощь своимъ питомцамъ въ ознакомленіи ихъ съ внѣшней стороной священной исторіи.

Это ознакомленіе удобнѣе начать при разсказѣ о жизни Ноя и дополнять его при повѣствованіи объ исходѣ евреевъ изъ Египта и о вступленіи въ землю Ханаанскую. Описаніе Палестины сдѣлано въ очень живыхъ чертахъ въ брошюрахъ о Св. Землѣ изданія палестинскаго Общества. Можно, кромѣ нихъ, назвать и еще нѣсколько изданій, напр. Меча, Николаева, Колокольниковой и другихъ авторовъ, но палестинскія изданія по своей дешевизнѣ и обстоятельности заслуживаютъ предпочтенія предъ другими. Гдѣ есть возможность, тамъ можно смѣло рекомендовать приобрѣсти книгу Гейки *Святая Земля и Библія*, какъ лучшее пособіе къ изученію Палестины. Но эта книга доступна не всякой школѣ по своей цѣнѣ—10 рублей за два тома.

Изъ видовъ Палестины самымъ доступнымъ изданіемъ служить альбомъ того же палестинскаго Общества *Сто Видовъ Иерусалима и Св. Земли*, стоящій въ продажѣ всего 50 коп. Картины этого альбома воспроизведены съ фотографій и потому даютъ вѣрное изображеніе мѣстностей и видовъ Палестины.

Самымъ же необходимымъ пособіемъ при прохожденіи священной исторіи служитъ географическая карта, которая давно имѣлась въ каждой начальной школѣ, но мало примѣнялась. За послѣдніе годы знакомство съ географіей поставлено въ школахъ довольно высоко, а потому законъ Божій не можетъ быть одинокимъ въ объясненіи схематическаго изображенія мѣстностей, какъ это было ранѣе, когда никакихъ географическихъ картъ кромѣ Палестины, въ школахъ не было. Палестина очень не велика, городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей въ ней при прохожденіи священной исторіи указывается не много, а потому знаніе карты достигается безъ большого труда, содѣйствуя воспріятію впечатлѣній отъ того или другого урока при участіи большаго количества чувствъ дѣтей. Для учебныхъ цѣлей всѣ существующія карты Палестины пригодны, такъ какъ небольшое отличіе однихъ картъ отъ другихъ въ обозначеніи нѣкоторыхъ спорныхъ мѣстностей имѣетъ чисто академическій характеръ и въ учебно-воспитательномъ отношеніи не имѣетъ никакого значенія. Употребленіе картинъ, ознакомленіе съ географіей и этнографіей Палестины имѣетъ цѣлью возбудить вниманіе учащихся, пробудить въ нихъ интересъ и любовь къ закону Божию. Вполнѣ возможно, что этотъ интересъ пробудится въ дѣтяхъ, и наставникъ можетъ видѣть это во всемъ дальнѣйшемъ поведеніи.

учениковъ послѣ проведеннаго разсказа. Дѣти не остаются безучастными слушателями повѣствованій о жизни, выражаютъ свое удовлетвореніе или недовольство тѣмъ или инымъ поступкомъ. Но это чувство въ дѣтскихъ душахъ держится не долго и не даетъ имъ достаточно силы на борьбу съ возникающими въ нихъ дурными желаніями и намѣреніями. Поэтому всякое доброе чувство нуждается въ укрѣпленіи и развитіи въ душахъ дѣтей. Чѣмъ дольше питомцы школы находятся подъ впечатлѣніемъ пережитого настроенія, тѣмъ сильнѣе можетъ отразиться это настроеніе въ ихъ жизни. Однимъ изъ вѣрныхъ средствъ пробужденія любви въ дѣтяхъ къ пережитымъ ими впечатлѣніямъ служить самостоятельное изображеніе дѣтьми разсказовъ на рисункахъ.

Начиная съ самаго ранняго возраста, дѣти чрезвычайно любятъ рисовать не только видѣнные ими предметы, но и воображаемые, и любятъ эти свои изображенія, какъ проявленіе своей творческой созидательной силы. Для ребенка совершенно незамѣтна неправильность его рисунка, несходство его съ изображеннымъ предметомъ, для него важна идея, воплощеніе мысли и чувства, въ какой бы то ни было схемѣ, въ мнемоническомъ знакѣ. Не внѣшность, не форма выступаетъ на первый планъ въ дѣтскомъ рисункѣ, а вложенное въ него чувство.

Рисованіе въ начальной школѣ только еще вводится, но оно, вмѣстѣ съ пѣніемъ, имѣетъ полное право на существованіе и имѣетъ за собою будущность. Искусство облагораживаетъ и воспитываетъ человека такъ же, какъ и наука. Первая дѣйствуетъ на человека идеей и выраженіемъ ея въ словахъ, второе—внутренними переживаніями, эмоціями и выраженіемъ ихъ въ образахъ. Рисованіе не имѣло успѣха въ школѣ недавняго прошлаго вслѣдствіе неправильной постановки дѣла, при которой рисованіе по клѣткамъ, срисовываніе съ готовыхъ образцовъ превращало это занятіе въ скучное ученіе. Въ настоящую же пору входитъ въ большее употребленіе американскій способъ обученія рисованію посредствомъ самостоятельнаго изображенія дѣтьми видимыхъ или воображаемыхъ ими предметовъ, при полной свободѣ комбинированія ихъ въ отдѣльныя группы и сочетанія. При такомъ методѣ рисованіе съ первыхъ же шаговъ становится занимательнымъ трудомъ и увлекаетъ дѣтей значительно больше, нежели всѣ прочіе предметы школьныхъ занятій, побуждая ихъ къ самодѣятельности, дѣйствуя на ихъ воображеніе и приучая внимательнѣе относиться ко всему видимому.

Примѣненіе рисованія на урокахъ закона Божія способно, принести значительную пользу преподаванію этого предмета и съ учебной и съ воспитательной стороны. При изображеніи на картинѣ событія, о которомъ ученикъ слышалъ отъ наставника, ему необходимо припоминать и главный смыслъ и объясняющія это значеніе подробности. При одномъ только слушаніи разсказа ученикъ многое можетъ пропустить, иное можетъ не понять и остаться со своимъ полужнаніемъ на всегда. Точно также и при заучиваніи урока по книгѣ онъ можетъ заучивать лишь слова, въ порядкѣ ихъ смежности, не соединяя съ ними никакихъ опредѣленныхъ представленій. При собственномъ же воспроизведеніи разсказа графически ребенокъ влагаетъ въ картину все свое знаніе, все свое соображеніе и побуждается къ сознательному отношенію въ изложеніи не только главнаго, но и подробностей. А обдумывая и размышляя относительно изображенія извѣстныхъ лицъ и событій, ребенокъ ставитъ себя невольно въ болѣе близкія отношенія къ этимъ предметамъ и влагаетъ въ дѣло свою любовь. Конечно, нельзя ожидать отъ дѣтей ни правильности рисунка, ни, тѣмъ болѣе, художественности изображенія тѣхъ событій, которыя служатъ для нихъ сюжетами ихъ дѣтскихъ картинъ, но эти тонкости не имѣютъ большого значенія. Неумѣнье дѣтей рисовать наводитъ на нѣкоторыхъ преподавателей страхъ униженія достоинства библейскихъ лицъ и событій посредствомъ примитивныхъ дѣтскихъ рисунковъ. Но это опасеніе, въ послѣдовательномъ проведеніи, должно было бы удерживать и отъ преподаванія всего курса закона Божія не въ буквальныхъ библейскихъ выраженіяхъ учащаго. Словесный разсказъ та же картина, изображенная не красками, а словами, и картина есть тотъ же разсказъ въ краскахъ. Если же мы не боимся унижить достоинства закона Божія изложеніемъ его требованій своими человѣческими словами, хотя бы и т. н. высокимъ стилемъ, какъ рекомендуютъ иные и до сегодня, то напрасно и опасеніе неуваженія къ священнымъ событіямъ при изображеніи ихъ въ рисункахъ. Картина—не икона, какъ проповѣдь слова Божія не слово Божіе, а потому бояться несовершенства въ рисункѣ хотя бы и священо—историческаго событія непослѣдовательно.

Не всѣ разсказы изъ священной исторіи одинаково могутъ служить темами для рисованія, такъ какъ одни изъ нихъ болѣе дѣйствуютъ на воображеніе, другіе на соображеніе и память. По-

этому необходимо дѣлать между рассказами надлежащій выборъ. Въ этомъ выборѣ имѣетъ значеніе и воспитательная сторона дѣла. Едва ли было бы удобно долго останавливать вниманіе ребенка на такихъ событіяхъ, какъ братоубійство Каина, умерщвленіе Самуиломъ царя Агага, избіеніе Самсономъ филистимлянъ. Вниманіе, удѣляемое тому или другому предмету, пробуждаетъ любовь къ нему, а потому для воспроизведенія въ рисункахъ всего удобнѣе рассказы изъ священной исторіи новаго завѣта. Въ ней все полно любовью къ человѣчеству, и эта любовь и со страницъ книги, и съ листовъ рисунка способна пробить себѣ путь въ отзывчивыя сердца дѣтей. Законъ жизни есть законъ любви, поэтому наставникъ не впадетъ въ ошибку, если онъ будетъ примѣнять его и при задаваніи дѣтямъ для рисованія. Экспериментальной педагогикой отмѣчено, что даже одно только созерцаніе картины располагаетъ къ тому настроенію, какое изображено на лицахъ и въ позахъ участниковъ передаваемого событія. Тѣмъ болѣе настроеніе, изображаемое ребенкомъ на картинѣ, способно овладѣть его вниманіемъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и тѣмъ содѣйствовать развитію тѣхъ или иныхъ чертъ въ его характерѣ. Потому и темы отрицательнаго направленія не могутъ быть полезны для неокрѣпшаго еще въ добрѣ духа ребенка.

Стремясь къ проведенію наглядности на урокахъ закона Божія, одинаково съ уроками по другимъ предметамъ школьнаго курса, необходимо помнить, что всякое наглядное пособіе имѣетъ своей цѣлью облегчить ученикамъ усвоеніе только видимой стороны предмета, только формы его. На урокѣ закона Божія необходимо помнить, что видимая сторона составляетъ только оболочку внутренней сущности предмета, что при кажущейся тождественности предметовъ по внѣшности они отличаются другъ отъ друга совсѣмъ иными, внутренними признаками, не подлежащими чувственному воспріятію. Въ частности по отношенію къ библейскимъ лицамъ и особенно къ Спасителю міра необходимо помнить, что видимое, тѣлесное не исчерпываетъ ихъ значенія для человѣчества, и что никакая картина не можетъ передать того, что составляло основу и сущность ихъ жизни. Для учениковъ недостаточно запомнить внѣшнюю обстановку, при которой совершилось то или иное священное событіе, а необходимо вникнуть въ его внутреннее значеніе. Христіанинъ видитъ не только глазами и умомъ, но онъ про-

зрѣваетъ и вѣрой. Къ этому созерцанію вѣрой и должны вести дѣтей всѣ наглядныя пособія, примѣняемыя на урокахъ закона Божія.

Для каждаго нѣсколько образованнаго человѣка настоящаго времени несомнѣнно, что кромѣ видимаго простымъ глазомъ физическаго міра существуетъ еще міръ микроскопическій, и что при помощи особыхъ приборовъ изслѣлователь природы видитъ милліоны живыхъ существъ тамъ, гдѣ простой обыватель ничего не видитъ. Такъ и люди, одаренные болѣе чуткими способностями, нежели обыкновенные зрители жизни, умѣющіе отличать лицо неба, но не умѣющіе отличать то, что Иисусъ Христосъ назвалъ общимъ именемъ знаменій времени, имѣютъ даръ проникаться особеннымъ чувствомъ благоговѣнія къ святынь, проявляющейся въ жизни міра по волѣ Бога. Даже среди неодушевленныхъ предметовъ, служащихъ разнымъ цѣлямъ, есть различіе по существу, а тѣмъ болѣе это различіе необходимо принимать во вниманіе при созерцаніи проявленія разумной воли. Одинъ изъ замѣтныхъ современныхъ мыслителей, П. Д. Успенскій, говоритъ: «Камень храма, камень тюрьмы и камень обыкновеннаго дома только кажутся одинаковыми. На самомъ дѣлѣ они совершенно различны... Мачта корабля дальняго плаванія, висѣлица..., крестъ въ стѣни, на перекресткѣ дорогъ, могутъ быть сдѣланы изъ одинаковаго дерева, но въ дѣйствительности это *разные предметы*, изъ *разнаго матеріала*. То, что мы видимъ, осязаемъ, изслѣдуемъ, это только *кружки на плоскости* отъ монеты или свѣчи. Это тѣни реальныхъ вещей, сущность которыхъ заключается въ ихъ проявленіяхъ. Тѣни матроса, подвижника, палача могутъ быть совершенно одинаковы, по тѣнямъ ихъ не различишь, точно также и химическимъ изслѣдованіемъ не различишь дерева мачты, висѣлицы и креста. Но это разные люди и разные предметы, одинаковы только *тѣни*. И такое отношеніе является при наблюденіи всѣхъ явленій. Между ними никакая химія не уловитъ этой разницы, но она есть, и есть люди, которые понимаютъ ее. Музыкантъ, живописецъ, скульпторъ прекрасно понимаютъ, что можно идти не одинаково и даже *нельзя* идти одинаково». (Тертіумъ Органумъ. Стр. 119).

Всякое наглядное пособіе на урокъ закона Божія должно напоминать ученикамъ не одну только внѣшность, но оно имѣетъ своей цѣлью черезъ внѣшность, черезъ видимое, вести дѣтей къ невидимому, къ признанію той истины, что библейскіе праведники,

хотя и были подобострастны намъ, были вполнѣ похожи на насъ по своей внѣшности, но духомъ своимъ горѣли предъ Богомъ и ходили предъ Нимъ въ теченіе всей своей жизни. Они были одного существа съ нами, а потому и зовуть насъ къ постоянному и тщательному различенію добра и зла, къ неуклонному слѣдованію за первымъ и къ избѣжанію послѣдняго.

Въ этомъ тождествѣ пріемовъ преподаванія закона Божія въ школѣ со всѣми прочими предметами по внѣшности проявляется его внѣшняя связь съ ними, а въ одухотвореніи всего содержанія всѣхъ предметовъ кроется его внутренняя общность со всѣмъ, что истинно въ человѣческомъ знаніи. Пусть дѣти знаютъ и чувствуютъ, что, выражаясь словами поэта

Въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье
Видна иная красота,

та красота, которая объединяетъ въ себѣ и ту истину, ради которой страдаетъ все мыслящее человѣчество, и то добро, котораго ищетъ всякій человѣкъ, и въ которомъ онъ надѣется найти своей душѣ миръ и покой.

Вспомогательныя средства въ преподаваніи Закона Божія.

2. Литература, пѣніе, письменныя работы.

Всѣ пути ведутъ въ Римъ, съ достоинствомъ говорилъ древній римлянинъ. Всѣ пути въ рукахъ опытнаго преподавателя ведутъ дѣтей къ познанію истины, къ развитію добра и къ пробужденію въ дѣтяхъ христіанской любви. Если преподаватель каждаго предмета школьнаго курса можетъ пользоваться въ воспитательномъ дѣлѣ различными средствами, то преподаватель закона Божія долженъ стоять въ этомъ отношеніи выше всякаго другого учителя. Законъ Божій охватываетъ собою всѣ духовныя проявленія человѣка, содѣйствуя всему доброму и обращая все худое къ добру; поэтому онъ долженъ быть поставленъ такъ, чтобы преподаваніе его обнимало не только одинъ разумъ, какъ это преслѣдуется въ преподаваніи свѣтскихъ предметовъ, но пробуждало бы и лучшія чувства и укрѣпляло бы волю въ свободномъ выборѣ добра, въ предпочтеніи его злу. Законъ Божій есть законъ жизни, а потому онъ и обнимаетъ всѣ жизненныя отношенія человѣка, какъ въ юности, такъ и въ дальнѣйшихъ возрастахъ. Въ настоящее время преподаваніе закона Божія обращаетъ главное вниманіе лишь на умственную сторону человѣка, забывая, что изъ сердца исходятъ злыя мысли, что сердце является источникомъ нравственности. Жестокость сердца заглушаетъ всѣ лучшіе порывы въ человѣкѣ, а доброта сердца способствуетъ развитію самоотверженія и служенія на пользу нашимъ ближнимъ.

Слово Божіе, законъ Божій, сѣется въ разную почву, въ различное человѣческое сердце, и этотъ посѣвъ имѣетъ различный результатъ. Въ дѣтяхъ-школьникахъ есть зачатки и добра, и зла. Они одинаково способны на первое и на второе. Ихъ зло еще не тяготитъ, они не чувствуютъ его гнета, и потому не страшатся

зла. Въ проявленіи его дѣти видятъ лишь проявленіе силы и готовы смѣяться надъ самой ужасающей жестокостью. Когда мы съ дѣтьми прочитывали во время занятій, ради уясненія отличія христіанской культуры отъ языческой, отрывки по сочиненіямъ Реклю о звѣрствахъ восточныхъ деспотовъ, истреблявшихъ цѣлыя страны и убивавшихъ десятки тысячъ плѣнныхъ, то въ классѣ неизбѣжно раздавался смѣхъ. Дѣти самыя обыкновенныя, неиспорченныя, не жестокія дружно хохотали, слыша о томъ, какъ ассирійскій царь Ассурбанипаль приказалъ ослѣпить десять тысячъ плѣнныхъ и пустить ихъ на произволъ судьбы. Нужно было отвлечь вниманіе дѣтей отъ преклоненія и восторга предъ силой, выразившейся хотя бы въ дикой жестокости, и направить на путь сочувствія его къ страждущимъ, для того, чтобы дѣяніе деспота получило въ глазахъ дѣтей должную оцѣнку. Настоящій вѣкъ считается многими поклонниками старины дряблымъ и противопоставляется временамъ прошлымъ, богатымъ крѣпкими натурами, людьми съ закаленнымъ характеромъ. Но нельзя забывать, что нашъ порицаемый вѣкъ болѣе мягокъ, въ отношеніи къ страждущимъ и угнетеннымъ. Поэтому умягченіе сердца дѣтей въ школѣ необходимо ради воспитанія ихъ на основѣ христіанской любви ко всему живому. Не угнетеніе слабого сильнымъ, а несеніе имъ немощей немощныхъ составляетъ задачу культуры и просвѣщенія, которая для своего выполненія требуетъ насажденія сочувствія ко всему живому въ человѣкѣ, начиная съ ранняго возраста.

Въ дѣтяхъ нѣтъ стремленія къ правдѣ и добру, выраженнаго въ законченной формѣ. Ребенокъ во всемъ старается видѣть только добро, смотритъ на все глазами радости, а потому онъ и не удерживается отъ совершенія дурного поступка. Большинство дѣтей, не смотря на скудную обстановку, на всякія неблагопріятныя условія, наслаждаются жизнью и не ищутъ ничего выше ея. Въ большинствѣ дѣти заняты лишь сами собой. Они искренно считаютъ сами себя центромъ, вокругъ котораго движется весь міръ. Поэтому ребенку необходимо показать, что кромѣ него есть другія существа, весьма часто лучшія его, страдающія отъ неправды, отъ злобы, отъ капризовъ людей. Только при отрѣшеніи отъ взгляда на себя, какъ на центръ міра, ребенокъ можетъ почувствовать стремленіе къ источнику всякаго добра—къ Богу и желаніе осуществить въ своей жизни требованія этого Всеблагаго Существа. Безъ развитія

въ дѣтяхъ чувства вниманія и любви къ другимъ немыслимо глубокое проникновеніе дѣтей высокими религіозными истинами, и сѣмя добра въ дѣтскія души сѣется какъ на каменистую или придорожную почву, на которой никакого плода вырости не можетъ. Умягченію человѣческаго сердца, подготовкѣ его къ воспріятію всего добраго въ значительной степени содѣйствуетъ всякое искусство и въ особенности поэзія. Стихотворенія, повѣсти, рассказы, рисующія человѣческую жизнь, приближающія страданія другихъ къ нашей душѣ, дѣлающія намъ родными и близкими неизвѣстныхъ намъ героевъ и дѣйствующихъ лицъ въ различныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, готовятъ почву къ истинному просвѣщенію людей. Чтеніе произведеній лучшихъ писателей, ведущееся по опредѣленному плану и по извѣстной системѣ, пробуждаетъ въ дѣтяхъ сознаніе необходимости и красоты стремленія человѣка къ правдѣ и добру какъ къ силѣ высшей, великой, небесной. Только при наличности чувства прекраснаго въ душѣ воспитанника можно надѣяться, что свѣдѣнія о Богѣ, о горнемъ мірѣ, о грѣхѣ и святости, о любви и терпѣніи будутъ для него переходомъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и найдутъ откликъ въ его сердцѣ. Предварительное чтеніе художественныхъ рассказовъ готовится почву для наученія дѣтей истинамъ вѣры и нравственности, а поясненіе тѣхъ же истинъ рассказами изъ современной жизни дѣлаетъ преподаваніе закона Божія занимательнымъ и приложимымъ къ обычнымъ условіямъ современной дѣйствительности.

Вопросъ о привлеченіи свѣтской литературы къ преподаванію закона Божія довольно новъ и не получилъ еще полнаго и всесторонняго освѣщенія. Среди предвзятыхъ поклонниковъ старины онъ считается вопросомъ «скользкимъ». Но необходимо прежде всего замѣтить, что всякое новое дѣло для нѣкоторыхъ является сомнительнымъ.

Мнѣніе о непригодности или сомнительности пользы отъ примѣненія лучшихъ въ нравственномъ отношеніи произведеній изящной литературы вытекаетъ изъ взгляда на все человѣческое, какъ на скверну. Такой взглядъ представляетъ собою подобіе гностическаго презрѣнія всего мірскаго, какъ созданія злого начала. Міръ, по слову апостола, лежитъ во злѣ, но самъ міръ не есть зло. Даже язычники, по апостолу, естественномъ законномъ творятъ, согласно со своей совѣстью, тѣмъ болѣе писатели, воспитавшіеся сами на осно-

вані ученія Христова и имѣющіе цѣлью пробуждать чувства добрыя въ людяхъ своей лирой, могутъ принести пользу въ развитіи вѣрѣ и нравственности среди подростящихъ поколѣній. И нужно замѣтить, что хотя слово Божіе дѣйственно и острѣе меча обоюду остраго, но оно далеко не всякому понятно одинаково во всѣхъ своихъ частяхъ. Правда, что при извѣстномъ духовномъ развитіи человѣка, при теплотѣ его вѣры слово Божіе доступно и грамотному и не грамотному, и ученому и простецу, но предварительно для воздѣйствія на человѣческую душу сердце человѣческое нуждается въ извѣстной подготовкѣ болѣе доступными обыкновенному человѣку средствами. Произведенія свѣтскихъ писателей отражаютъ современную читателю жизнь, изображаютъ мѣстами его собственные настроенія, его думы, его печали и радости. Поэтому свѣтская литература находитъ для себя откликъ въ душѣ каждаго читателя, если только она приспособлена къ его пониманію. Въ начальной школѣ мало понятенъ даже Гоголь, не особенно цѣнимъ Лермонтовъ, и это непониманіе произведеній нашихъ классиковъ зависитъ отъ неподготовленности къ чтенію ихъ учениками. Для пониманія художественной прелести столповъ литературы необходимо извѣстное умственное развитіе, нѣкоторое знаніе жизни, а для пониманія богооткровеннаго ученія, для пробужденія любви къ нему, необходимо предварительное отрѣшеніе читающаго слово Божіе отъ эгоизма, отъ земного и пробужденіе любви и сочувствія къ людямъ. Ученіе Христово не отъ міра сего, а потому оно служитъ не только многимъ на востаніе, но многимъ и на паденіе, если оно не понимается слушающими его. А это пониманіе невозможно безъ надлежащаго объясненія сравненіями, подобіями, сближеніемъ съ условіями современной жизни.

Религіозное воспитаніе въ нашихъ семьяхъ развито слишкомъ слабо, дѣти до школы имѣютъ слишкомъ мало вкуса въ пониманіи красоты добра, и потому простое выполненіе программы закона Божія въ школѣ оказываетъ весьма и весьма малое вліяніе на ихъ нравственность. Воспитываетъ школа посредствомъ наученія дѣтей вѣрѣ и чрезъ развитіе въ дѣтяхъ любви къ добру. Но давно признано, что изученіе вѣроученія христіанскаго не вызываетъ въ дѣтяхъ горячаго стремленія къ осуществленію воли Божіей въ томъ видѣ, какъ объ этомъ говорится въ основѣ нравственности—въ изложеніи догматическихъ истинъ. Поэтому ради указанія примѣ-

ровъ исполненія воли Божіей на ряду съ изученіемъ катихизиса рекомендується или изученіе, или повтореніе священной исторіи. Въ ней, несомнѣнно, содержится богатый матеріалъ для уясненія истинъ вѣры и нравственности, но эти примѣры для нашихъ дѣтей далеко не близки и далеко не такъ увлекательны, какъ примѣры осуществленія тѣхъ же истинъ въ мірѣ изъ современной жизни. Въдѣ всѣ библейскіе праведники дѣйствуютъ въ зрѣломъ возрастѣ, а не въ дѣтскихъ годахъ и по всей обстановкѣ жизни ихъ психика не совпадаетъ съ настроеніемъ современныхъ поколѣній.

Кромѣ библейскихъ примѣровъ рекомендуются для школы образцы вѣры и нравственности изъ житій святыхъ. Но необходимо сказать, что и они въ большинствѣ случаевъ являются или исключительно-идеальными натурами, или же осуществляютъ лишь идеалъ аскетизма и отшельничества, представлявшагося въ извѣстные вѣка единственно истинной «философіей». Законоучитель не только можетъ, но и долженъ пользоваться примѣрами изъ книгъ священнаго Писанія и изъ Житій святыхъ, но однихъ только этихъ пособій не вполне достаточно для пробужденія въ дѣтяхъ высшихъ стремленій, особенно въ началѣ воспитательнаго періода.

Въ данномъ мѣстѣ мы не будемъ перечислять тѣхъ брошюръ и книгъ, которыя, по нашему мнѣнію, полезны для развитія того или другого урока закона Божія, такъ какъ это указаніе будетъ нами сдѣлано въ отдѣльной статьѣ, и лишь приведемъ нѣкоторые примѣры примѣненія произведеній изящной словесности на урокахъ въ начальной школѣ.

Самыми первыми свѣдѣніями, которыя необходимо укрѣпить въ умахъ и сердцахъ дѣтей, являются начальныя понятія о Богѣ и Его нѣкоторыхъ свойствахъ. На урокахъ, посвященныхъ этому вопросу, нами читалась книжка Христіны Рой *Безъ Бога*. Въ этой небольшой книжечкѣ говорится о судьбѣ сироты, найденнаго на груди замерзшей нищенки и принятаго на воспитаніе въ крестьянскую семью. Мальчикъ выросъ въ тепломъ хлѣвѣ и потомъ былъ отданъ въ подпаски. Онъ никогда ничего не слышалъ о Богѣ и никогда не бывалъ въ церкви. Въ такой тѣмѣ сирота прожилъ до шестнадцати лѣтъ и самостоятельно началъ размышлять о Первопричинѣ всего существующаго. Постепенно, при помощи размышленій и по отвѣтамъ на его вопросы другихъ людей, этотъ сирота приобрѣлъ довольно вѣрныя понятія о Богѣ, о Его свойствахъ и всей душой полюбилъ Его.

Разсказъ ведется въ занимательной формѣ и путемъ наглядныхъ примѣровъ, приближаясь къ генетическому методу, объясняетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ отдѣловъ преподаванія закона Божія. При выясненіи о вездѣсущи Божіемъ читался разсказъ Л. Толстого *Гдѣ любовь, тамъ и Богъ*. При выясненіи понятія о молитвѣ читались разсказы—Черскаго *Божья воля* и Перелыгина *Молитва ребенка* или Круглсва—*Чудесная свѣча*. При выясненіи понятія о совѣсти—Опочинина разсказъ *Непутевый* или Круглова—*Совѣсть проснулась* и т. д.

Чтеніе разсказовъ весьма оживляетъ преподаваніе и затрогиваетъ въ дѣтскихъ душахъ такія струны, до которыхъ простыми разсужденіями и назиданіями добратся невозможно. Одаренный талантомъ писатель умѣетъ стучаться въ такія двери человѣческаго сердца, которыхъ простой человѣкъ и не замѣтитъ. Всякій же художественный разсказъ вызываетъ напряженіе всѣхъ душевныхъ силъ ребенка занимательностью изложенія, драматизмомъ, красотой образовъ и изяществомъ слога. Если бы каждый преподаватель могъ на каждомъ урокѣ импровизировать и создавать художественные примѣры для поясненія тѣхъ или другихъ истинъ и положеній, то его преподаваніе не нуждалось бы ни въ чемъ постороннемъ содѣйствіи, но такой преподаватель можетъ быть лишь предполагаемъ въ идеѣ, а не существовать въ дѣйствительности.

Вопросъ о самой постановкѣ дѣтскаго чтенія въ сравнительно недавнее время привлекъ къ себѣ вниманіе дѣятелей воспитанія и вызвалъ появленіе въ свѣтъ нѣсколькихъ указателей относительно книгъ, пригодныхъ дѣтскому возрасту. По вопросу о томъ, какія книги должно предлагать дѣтямъ высказывались различныя мнѣнія, начиная отъ предоставленія случайности подбора книгъ дѣтской бібліотеки и кончая строгой цензурой спеціально дѣтской литературы. Не вступая въ глубину разсужденій относительно постановки дѣла чтенія дѣтскими книгъ, здѣсь мы считаемъ нужнымъ сказать, что большая часть педагоговъ признаетъ необходимость существованія спеціально дѣтской литературы, на томъ простомъ основаніи, что всякій возрастъ имѣетъ свои преимущественные интересы и свои склонности, которыя и требуютъ удовлетворенія по извѣстному плану и въ извѣстномъ направленіи.

Чтеніе, по взглядамъ современныхъ педагоговъ, сводится къ тремъ приемамъ: чтеніе техническое, касающееся вопросовъ, содер-

жащихся въ книгѣ для класснаго чтенія, чтеніе психологическое или коллективное, имѣющее цѣлью воздѣйствовать на нравственную сторону учащихся чрезъ пробужденіе въ нихъ чувства любви къ добру и отвращенія ко злу, и чтеніе свободное.

Первый видъ чтенія на урокахъ закона Божія можетъ быть примѣненъ въ видѣ болѣе подробнаго изложенія тѣхъ самыхъ свѣдѣній, какія преподаются дѣтямъ на урокъ. Съ этой цѣлью можно прочитать священно-историческій рассказъ въ болѣе подробномъ изложеніи въ классѣ или дать дѣтямъ на домъ соотвѣтствующія брошюры. Къ сожалѣнію приходится сказать, что книгъ духовно-нравственнаго содержанія, доступныхъ дѣтямъ по изложенію, весьма мало. Духовные писатели въ громадномъ большинствѣ не соображаются съ пониманіемъ дѣтей и излагаютъ свои книги и брошюры громоздкой періодической рѣчью. Духовная литература усвоила себѣ особый языкъ, полу-славянскій, полу-книжный и на этомъ языкѣ остановилась чуть ли не съ 18 вѣка. Языкъ митрополита Платона и языкъ современнаго духовнаго писателя для дѣтей почти ничѣмъ не различаются. Между тѣмъ вообще литературный русскій языкъ развивается съ каждымъ десятилѣтіемъ, и ученики привыкаютъ къ языку современному, а не къ рѣчи прошлыхъ вѣковъ. Безспорно, что языкъ Иннокентія Херсонскаго и Филарета Московскаго несравненно точнѣе стиля писателей для дѣтей, но языкъ названныхъ духовныхъ витій непонятенъ не только дѣтямъ, а и взрослымъ, если только они не удѣляли особаго времени на изученіе богословскихъ наукъ. Для младенцевъ, какъ говоритъ ап. Петръ (1 Посл. 2, 2), нужно словесное молоко, а не твердая пища, и дѣтямъ школьникамъ слишкомъ мудрено постигать тѣ глубины премудрости, которыя ставятъ въ своихъ произведеніяхъ духовные писатели, не считаясь съ возрастомъ и развитіемъ дѣтей. За послѣднее время вышло въ свѣтъ нѣсколько повѣстей и рассказовъ изъ библейскаго быта, построенныхъ по образцу историческихъ романовъ и повѣстей (напр. въ приложеніяхъ къ журн. *Русскій Паломникъ*, въ изданіяхъ Александро-Невскаго Братства и друг.). Эти изданія, совмѣщая въ себѣ вѣрность общимъ даннымъ священно-историческихъ повѣствованій, передаютъ о библейскихъ событіяхъ въ видѣ занимательныхъ повѣстей и вводятъ читателя въ бытъ и нравы библейскихъ временъ. Поэтому библейскіе рассказы дѣйствуютъ не только на память дѣтей, но и на чувство и на во-

ображеніе. Несравненно ниже по своему достоинству стоятъ пересказы бібліи въ духѣ довольно извѣстныхъ книжекъ Пуцковича подѣ названіемъ *Библейскіе рассказы*. Но и они могутъ быть полезны въ видѣ т. н. технического чтенія.

Для чтенія коллективнаго или психологическаго въ дѣтской литературѣ можно найти весьма почтенное количество книгъ, способствующихъ въ дѣтяхъ пробужденію любви къ людямъ. Страданія человѣчества чрезвычайно разнообразны, а потому, по выраженію Златоуста, заповѣдь милосердія весьма широка. Изображеніе человѣческаго горя, подвиговъ и красоты любви и самоотверженности ради ближнихъ служить темой во многихъ, или вѣрнѣе въ большинствѣ книгъ дѣтской литературы. Во всемъ физическомъ мірѣ господствуетъ законъ тяготѣнія, и люди не только подчиняются ему, но и пользуются имъ ради достиженія своихъ цѣлей. Этотъ же законъ наблюдается и въ нравственной области. Человѣкъ притягивается тѣмъ, что онъ считаетъ высшей нравственной силой. *Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше* (Мѡ. 6, 21). Каждый человѣкъ не столько сообразуетъ свои дѣйствія со своими мыслями, сколько подражаетъ дѣйствіямъ другихъ людей, а иногда подвергается внушенію со стороны этихъ другихъ. Хорошо составленный и приспособленный къ пониманію читателя рассказъ можетъ оказать значительное вліяніе на его поступки, и писатель посредствомъ книги можетъ внушить читающему тѣ или иныя дѣйствія. На взрослыхъ книга вліяетъ въ значительно меньшей степени, нежели на дѣтей. Но необходимо, чтобы книга была вполне доступна дѣтямъ и по языку и по содержанію. Законоучителю хорошей рассказъ изъ современной жизни можетъ оказать весьма значительную услугу и дать дѣтямъ разумѣніе относительно жизни прошлыхъ вѣковъ, посредствомъ перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Задача преподавателя въ этомъ случаѣ сводится къ надлежащему подбору книгъ и къ своевременному пользованію ими. Въ настоящее время при каждой школѣ есть ученическая бібліотека, и можно съ увѣрностью сказать, что въ каждой школьной бібліотекѣ найдутся книги, соответствующія цѣлямъ преподаванія закона Божія и въ частности веденію психологическаго чтенія сообразно требованіямъ преподаванія этого предмета въ воспитательномъ направленіи. Для выбора книгъ существуетъ не мало различныхъ указателей дѣтской литературы, въ которыхъ не только да-

ются отзывы о книгахъ, но и помѣщается содержаніе ихъ. Такіе указатели могутъ оказывать нѣкоторую помощь въ подборѣ нужныхъ и полезныхъ книгъ, но лучшимъ средствомъ выбора нужно признать чтеніе книги самимъ наставникомъ вмѣстѣ съ воспитанниками. Лучшими судьями въ этомъ дѣлѣ должны быть признаны сами дѣти, такъ какъ заставить ихъ интересоваться не интереснымъ для нихъ чтеніемъ невозможно, а всякое не занимательное для нихъ чтеніе не окажетъ никакой пользы ихъ нравственному развитію.

Сообразно этому подбору самаго учащаго возможно и свободное чтеніе дѣтей, по ихъ собственному желанію. Это чтеніе преподавателемъ можетъ быть направлено также къ пользѣ и духовному росту дѣтей, хотя и безъ особенной настойчивости съ его стороны. Весьма часто дѣти спрашиваютъ книгу по отзыву читавшихъ ее товарищей, и на книгу устанавливается въ извѣстное время мода. Преподаватель препятствовать такому свободному выбору не можетъ, но отъ его умѣнья вести дѣло зависитъ самый спросъ на книгу, такъ какъ онъ можетъ установить извѣстную заинтересованность дѣтей въ томъ или иномъ направленіи. Давно подмѣченъ тотъ фактъ, что искренно любящій свой предметъ преподаватель, хотя бы этимъ предметомъ былъ одинъ изъ мертвыхъ языковъ, заражаетъ своей любовью и своихъ учениковъ.

Чтеніе произведеній дѣтской литературы можетъ примѣняться съ успѣхомъ, какъ въ видѣ домашней работы дѣтей, такъ и въ видѣ классныхъ занятій, такъ какъ эти занятія требуютъ постоянной смѣны одного рода труда другимъ. Той же смѣнѣ труда содѣйствуютъ и другія средства, указанные въ заголовкѣ настоящей статьи.

Главнымъ условіемъ успѣшности классныхъ занятій служитъ интересъ учащихся къ предмету урока. Отъ степени интереса зависитъ вниманіе учащихся. Вниманіе же есть такое душевное состояніе, которое не можетъ продолжаться безконечно. Все въ природѣ постоянно движется, это общій законъ жизни всего доступнаго человѣчеству міра. Сообразно этому закону движется, перелетаетъ съ одного предмета на другой и человѣческая мысль. Вниманіе же есть задержаніе мысли на одномъ какомъ либо предметѣ, достигаемое усиленіемъ воли посредствомъ постояннаго упражненія. Вниманіе прирождено человѣку только въ возможности и состав-

ляетъ продуктъ воспитанія. Дѣти отличаются подвижностью, а малолѣтки, ученики перваго года, не въ состояніи сосредоточить на одномъ предметѣ вниманія даже на пять минутъ, особенно если предметъ урока составляетъ отвлеченная истина. Понятно, что при занятіяхъ съ первогодниками и самый урокъ не можетъ длиться болѣе 25—30 минутъ, и дѣленіе его на двѣ части, съ повтореніемъ пройденнаго въ одной и съ разработкой новаго матеріала во второй—невозможно. Такое распредѣленіе времени, къ слову сказать, и вообще утомительное для учащихъся, въ первомъ отдѣленіи начальной школы можетъ лишь доставить огорченіе и для учащаго и для учащихъся, а для воспитательнаго дѣла существенный вредъ. Скука и однообразіе самый страшный изъ враговъ учебнаго дѣла. Поэтому при занятіяхъ въ начальной школѣ необходима возможная частая перемѣна занятій. Конечно, эта смѣна не можетъ нарушать единства главной цѣли, но и въ сохраненіи этого единства она вноситъ постоянное разнообразіе въ жизнь школы.

Каждый урокъ можетъ быть проведенъ разными способами, посредствомъ разныхъ приемовъ, при единствѣ намѣченной цѣли, и чѣмъ больше жизни, разнообразія вноситъ преподаватель въ веденіе урока, тѣмъ большее оживленіе отражается на его ученикахъ.

Въ ряду средствъ, содѣйствующихъ освѣженію учащихъся во время хода уроковъ, пѣніе и письменныя работы занимаютъ по праву не послѣднее мѣсто. Притомъ эти предметы являются не только средствами оживленія настроенія въ ученикахъ, но и сами оказываютъ содѣйствіе преподаванію закона Божія. Изученіе молитвъ въ начальной школѣ относится къ первому году обученія, запоминаніе тропарей производится на ряду съ прохожденіемъ священной исторіи, а нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія относятся къ курсу богослуженія. При заучиваніи этихъ молитвословій посредствомъ задаванія уроковъ на домъ получаютъ не рѣдко далеко не должные результаты: славянскія выраженія искажаются, разстановка словъ производится неправильно, логическія ударенія на тѣхъ или иныхъ мѣстахъ переносятся совершенно произвольно безъ всякаго смысла, и вообще заучиваніе молитвъ походитъ на повтореніе словъ безъ значенія. Да и трудно ожидать отъ ученика начальной школы правильнаго произнесенія такихъ пѣснопѣній, которыя не поддаются полному уразумѣнію даже высокообразованнымъ людямъ. Отсюда становится необходимымъ самое заучиваніе

молитвъ производить по установившимся правиламъ чисто практическаго свойства. Предполагается, что законоучитель самъ можетъ осмысленно прочесть каждую изъ тѣхъ молитвъ, которыя проходятся въ начальной школѣ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ законоучителя и должно быть произведено заучиваніе славянскаго текста молитвъ. А это заучиваніе очень удобно достигается посредствомъ пѣнія этихъ молитвъ въ классѣ.

Во всякой школѣ молитвы заучиваются для пользованія ими въ жизни, но въ большинствѣ школъ наблюдается постоянное забвеніе молитвъ даже во время ученія. Обслѣдованія же знаній окончившихъ курсъ черезъ 4—5 лѣтъ, произведенныя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земствами, обнаружили прямо плачевные результаты въ познаніи бывшими питомцами школы наиболѣе употребительныхъ молитвъ. Возможно, что въ бывшихъ ученикахъ начальной школы иногда пробуждается желаніе молиться, но молитвъ они не знаютъ, и потому молятся такъ же, какъ и совершенно неграмотные, т. е. безъ разумѣнія, безъ пониманія и безъ должной настроенности. Они ревность имѣютъ къ молитвѣ, но не по разуму. По привычкѣ бывший питомецъ школы и начинаетъ читать когда то заученную молитву, но скоро у него послѣдовательность смысла и выраженій теряется, и онъ прекращаетъ свою молитву въ самомъ началѣ. Отъ забвенія предохраняетъ насъ повтореніе, но это повтореніе не должно прискучивать. Пѣніе молитвъ можетъ дать средство къ повторенію безъ однообразія, такъ какъ самый процессъ пѣнія доставляетъ человѣку извѣстное наслажденіе. Пѣніе молитвъ и другихъ церковныхъ пѣснопѣній умѣстно на каждомъ урокѣ закона Божія, и оно всегда можетъ внести въ преподаваніе оживленіе и лучшее укрѣпленіе въ памяти учениковъ текста молитвъ.

Первое условіе, которое должно соблюдаться при этомъ, есть осмысленность и разумность. Осмысленность выражается въ ясномъ и правильномъ произнесеніи cadaго слова молитвы, съ разстановкой удареній на извѣстныхъ выраженіяхъ. Эта разумность достигается прежде всего примѣромъ самого учащаго, а потомъ объясненіями молитвъ. Въ начальной школѣ невозможно достигнуть полнаго пониманія дѣтьми всѣхъ выраженій въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, но это знаніе и не необходимо. Для cadaго ученика важно знаніе общаго смысла той или другой молитвы. При этомъ общемъ знаніи дѣти запоминаютъ текстъ молитвы и лучше, и тол-

ковѣ. Поэтому каждая молитва объясняется законоучителемъ прежде ея пѣнія въ классѣ. А такъ какъ ничто не исчезаетъ изъ дѣтской памяти быстрѣ значенія молитвъ, то эти объясненія вкрадцѣ приходится повторять довольно часто.

Для достиженія правильности произнесенія славянскихъ словъ при пѣніи молитвъ приходится внимательно слѣдить за выговоромъ каждаго ученика, такъ какъ заученное неправильно трудно поддается послѣдующему исправленію. Слѣдить за произнесеніемъ словъ при хоровомъ дѣтскомъ пѣніи не трудно, и нѣкоторая доля вниманія при нѣкоторомъ навыкѣ даетъ возможность ясно слышать и различать ошибочное произнесеніе словъ тѣмъ или другимъ воспитанникомъ.

Въ каждой молитвѣ найдутся слова трудныя и простыя для произношенія. А потому опытные преподаватели заранѣе обращаютъ вниманіе дѣтей на трудныя выраженія и заучиваютъ эти выраженія предварительно.

Такъ напр., въ молитвѣ Св. Духу дѣти произносятъ въ большинствѣ случаевъ *Царю Небесному*, трудно для нихъ слово *Утѣшителю*, *вселися*. Въ молитвѣ *Достойно есть* не легко произносятся выраженія *яко во истину*, *присно Блаженную*, *пренепорочную*, *сущую*. Каждый вдумчивый наставникъ черезъ 2—3 года занятій опредѣленно знаетъ, что для учениковъ представляется труднымъ и что легкимъ.

Начинать пѣніе молитвъ не только возможно, но и нужно съ первыхъ уроковъ въ первомъ отдѣленіи. Для новичковъ пѣніе болѣе необходимо, чѣмъ для прочихъ учениковъ, вслѣдствіе непривычки малышей къ школьной дисциплинѣ и къ сосредоточиванію вниманія на одномъ предметѣ. Конечно, пѣніе молитвъ первогодниками будетъ и не стройно, и не музыкально, но цѣль пѣнія молитвъ на урокахъ Закона Божія заключается не въ эстетическомъ наслажденіи звуками мелодіи, а въ поднятіи степени вниманія школьниковъ и въ содѣйствіи къ болѣе твердому и болѣе легкому усвоенію ими текста молитвъ и другихъ церковныхъ пѣснопѣній. Пѣніе въ младшемъ отдѣленіи можетъ быть скорѣе похоже на протяжную рѣчь, нежели на пѣніе въ собственномъ смыслѣ, а потому можетъ производиться даже на одномъ звукѣ, съ постепеннымъ приближеніемъ къ гласовой церковной мелодіи. А такъ какъ церковныя напѣвы вообще не трудны, то дѣти довольно скоро привыкаютъ

къ нимъ. Пѣніе молитвъ сообразуется не съ легкостію музыкальнаго построения, а со степенью трудности ихъ въ дидактическомъ отношеніи. Молитва простая по напѣву, но сложная по содержанию, можетъ быть пропѣта не раньше простой по содержанию, а послѣ нея. Пѣніе молитвъ сообразуется со степенью утомленія класса, а потому заранѣе намѣченнаго общаго плана въ этомъ отношеніи быть не можетъ. На первыхъ утреннихъ урокахъ дѣти утомляются меньше, вслѣдствіе большей чистоты воздуха въ школѣ, а на послѣдующихъ урокахъ утомленіе наступаетъ быстрѣе. Поэтому второй и третій уроки требуютъ большаго разнообразія занятій и болѣе продолжительнаго пѣнія.

Начинать пѣть съ новичками полезнѣе безъ участія учениковъ старшихъ отдѣленій, ради пріученія новичковъ къ самостоятельности. При достаточномъ навыкѣ въ пѣніи новички съ успѣхомъ могутъ присоединяться къ общему школьному хору, и это присоединеніе въ свое время можетъ оказать вліяніе на улучшеніе музыкальной стороны выполненія молитвъ дѣтьми.

Наиболѣе твердому и правильному усвоенію текста молитвъ, а равно и вообще болѣе основательному запоминанію учебнаго матеріала по Закону Божію содѣйствуетъ веденіе на урокахъ Закона Божія письменныхъ работъ. Эти работы особенно пригодны при одновременномъ веденіи урока въ двухъ или въ трехъ отдѣленіяхъ однимъ наставникомъ, въ одной классной комнатѣ. Но письменныя работы далеко не излишни и при нормальныхъ условіяхъ, т. е. при занятіяхъ только съ однимъ отдѣленіемъ.

Письменныя работы могутъ служить или только какъ средство для болѣе основательнаго усвоенія пройденнаго, или же содѣйствовать воспитательной сторонѣ Закона Божія, посредствомъ углубленія и примѣненія къ каждому отдѣльному ученику полученныхъ знаній. Начинаться письменныя работы могутъ со второй половины перваго года обученія, когда дѣти осваиваются съ искусствомъ письма. Въ цѣляхъ только чисто дисциплинарныхъ, въ видѣ работы по чистописанію, письменныя занятія могутъ быть вводимы и ранѣе указаннаго срока, но эти упражненія не могутъ быть названы работами по Закону Божію, такъ какъ онѣ служатъ лишь средствомъ занять учениковъ одной группы въ то время, когда преподаватель ведетъ устныя занятія съ учениками другихъ группъ. Письменныя работы начинаются съ самыхъ простѣйшихъ и по-

степенно усложняются, сообразно съ духовными силами учениковъ. Работы чисто механическаго характера для учениковъ старшихъ отдѣленій незанимательны по своей механичности, а работы, требующія напряженія вниманія, непосильны для учениковъ перваго отдѣленія и части втораго. А потому при задаваніи письменной работы по Закону Божію принимаются во вниманіе тѣ же соображенія, какія соблюдаются въ веденіи письменныхъ отвѣтовъ по русскому языку и по ариѳметикѣ. На первомъ годѣ обученія письменная работа дѣтей можетъ состоять только изъ простого списыванія съ книги или съ классной доски заученнаго дѣтьми текста какой либо молитвы. Цѣль этой работы заключается въ желаніи укрѣпить въ памяти дѣтей знаніе наиболѣе употребительныхъ молитвъ не только посредствомъ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній, но и посредствомъ моторныхъ. Хотя эта работа для взрослоаго человѣка кажется слишкомъ однообразной, но для дѣтей она не такъ механична и не такъ мало занимательна, какъ для взрослыхъ. Для дѣтей, только еще обучающихся письму, простое списываніе съ книги доставляетъ серьезную работу, требуя отъ нихъ напряженія всѣхъ умственныхъ силъ. И потому всякое новое списываніе представляетъ для дѣтей новую работу.

Черезъ списываніе текста молитвъ достигается болѣе точное и болѣе твердое усвоеніе его. При списываніи дѣти невольно обращаютъ вниманіе на такія выраженія, которыя они при одномъ устномъ заучиваніи искажаютъ и которымъ иногда придаютъ совершенно неправильное значеніе. Неправильность въ произношеніи молитвы, не смотря на всю внимательность наставника, можетъ ускользнуть отъ его слуха. Но въ письмѣ она обнаруживается и можетъ быть исправлена, какъ посредствомъ правильнаго воспроизведенія устно, такъ и черезъ исправленное написаніе. Искаженіе словъ при чтеніи молитвъ въ школахъ явленіе обычное, и оно требуетъ полнаго вниманія для своего исправленія. Такъ напр., дѣти произносятъ вмѣсто *Осанна въ вышнихъ*—*Осанна вышла*, придавая слову осанна значеніе собственнаго имени женскаго рода: вмѣсто *сущую Богородицу* произносятъ *сусую Богородицу*. Особенно трудны для произнесенія слова многосложныя—Человѣколюбче, Утѣшителю, честнѣйшую, безъ истлѣнія, Вседержителя и т. п. Точно также постоянно искажаются нѣкоторыя предложенія изъ текста молитвъ. Напр., *Иже еси на небесѣхъ, распятаго же за ны. Нѣкто З.,*

окончившій съ успѣхомъ курсъ Духовной Академіи и занимавшій видный постъ въ духовно-учебной службѣ рассказывалъ, что онъ, будучи ученикомъ семинаріи, всегда произносилъ въ тропарѣ *Нынѣ наста время всѣхъ освящающее* слова *насъ ждетъ судія* (въ чинѣ освященія воды) *нашъ дѣдъ судія*, прилагая названіе *дѣдъ* къ Богу Отцу, изображаемому на иконахъ въ видѣ старца. Свою ошибку З. увидалъ лишь при списываніи названнаго тропаря съ книги и удивился наивности своего объясненія, казавшагося ему ранѣе совершенно правильнымъ. У дѣтей своя логика и свое пониманіе; ребенокъ часто объясняетъ понятія совершенно своеобразно, особенно, если предпосылки этихъ понятій принимаются имъ за несомнѣнную истину. Въ умѣ вѣрующаго слова священной пѣсни или молитвы выше сомнѣнія. Но слушающій ихъ воспринимаетъ самыя выраженія невѣрно. Онъ хочетъ ихъ объяснить и принимаетъ за истину такія соображенія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ смысломъ. Къ тому же склонны не только дѣти, но и взрослые. Для подтвержденія этого стоитъ вспомнить приемы схоластическаго толкованія священнаго Писанія и выводы христіанскихъ догматовъ изъ соображеній человѣческаго разума.

Нѣкоторый недостатокъ простаго списыванія молитвъ заключается въ отсутствіи матеріала для активной работы мысли. Но это списываніе примѣняется лишь въ первомъ отдѣленіи, когда всякій новый элементъ, кромѣ списыванія, былъ бы для дѣтей непосильнымъ бременемъ. Во второмъ отдѣленіи тѣ же упражненія могутъ быть производимы съ большимъ разнообразіемъ и со внесеніемъ въ работу учащихся нѣкоторой самодѣятельности. Въмѣсто простаго списыванія молитвъ второгодникамъ предлагается списываніе съ классной доски перевода славянскихъ выраженій въ какой либо молитвѣ. На основаніи этого списыванія дается задача—составить связное изложеніе молитвы по-русски. Такой трудъ пробуждаетъ въ дѣтяхъ работу мысли и содѣйствуетъ запоминанію русскаго значенія славянскаго текста, что вообще дается очень трудно при однихъ только устныхъ урокахъ. На первыхъ порахъ связное изложеніе молитвы по-русски трудно дается дѣтямъ, и потому въ задачахъ этого рода наблюдается строгая постепенность въ выборѣ молитвъ по изложенію, по доступности ихъ содержанія и по близости славянскаго текста къ русскому. Со второго-же отдѣленія можно начать изложеніе рассказовъ священной исторіи, по вопросамъ,

предварительно выписаннымъ на классной доскѣ. При этомъ изложеніи соблюдаются все правила, приложимыя къ веденію письменныхъ работъ вообще, какъ со стороны выбора матеріала, такъ и въ постановкѣ вопросовъ, въ размѣщеніи въ вопросахъ словъ, въ указаніи словъ, сомнительныхъ для правописанія и т. д. Составленіе вопросовъ преподавателя затруднить не можетъ, но для желающихъ нами они напечатаны въ составленной нами *Методицкѣ преподаванія священной исторіи*.

Начиная съ третьяго отдѣленія письменныя работы учениковъ приобрѣтаютъ характеръ большей самостоятельности. Дѣти или передаютъ своими словами рассказы изъ священной и церковной исторіи, безъ дробныхъ вопросовъ, или же указываютъ содержаніе отдѣльныхъ мѣстъ Евангелія, по самому евангельскому тексту, какъ рекомендуетъ А. С. Соколовъ въ книжкѣ *Письменныя упражненія по Закону Божію въ начальной школѣ*. Въ переводѣ славянскаго текста молитвъ дается работа—изложить самое содержаніе той или иной молитвы или отдѣльной части ея.

Въ четвертомъ отдѣленіи письменныя работы по Закону Божію касаются вопросовъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Такъ напр., не только для учениковъ, но и для наставниковъ весьма важно получить отъ дѣтей работу въ видѣ изложенія ихъ взгляда на такіе вопросы, какъ бытіе Божіе, значеніе для христіанина молитвы, добрыхъ дѣлъ, труда и т. п. Конечно эти вопросы могутъ быть предлагаемы не въ формѣ отвлеченныхъ сужденій, а въ видѣ конкретныхъ описаній. Напр., какіе люди мнѣ нравятся, какимъ бы я самъ хотѣлъ быть, зачѣмъ люди живутъ на землѣ, что всего нужнѣе для тѣла и для души человѣка, на кого бы я хотѣлъ быть похожимъ по своимъ дѣламъ и т. п. Разнообразіе вопросовъ зависитъ отъ развитія учениковъ и отъ степени ихъ вниманія къ прохожденію курса, какъ общеобразовательныхъ предметовъ, такъ и Закона Божія.

Время, употребленное на письменныя работы по Закону Божію, не можетъ считаться потраченнымъ напрасно и принесетъ пользу дѣлу въ различныхъ отношеніяхъ, начиная съ соблюденія классной дисциплины при совмѣстныхъ занятіяхъ съ нѣсколькими отдѣленіями въ одной комнатѣ и кончая побуженіемъ ученикамъ глубже заглянуть въ свою душу, познать самихъ себя, а черезъ это самопознаніе и пожелать достиженія лучшаго нравственнаго

состоянія, нежели наша обычная жизнь. Въ письменныхъ работахъ старшихъ учениковъ можетъ раскрыться вся ихъ душевная жизнь, не всегда извѣстная наставнику, вслѣдствіе застѣнчивости дѣтей и юношей при устной бесѣдѣ и отчасти вслѣдствіе неумѣнія взрослыхъ людей говорить съ подростками. Учениковъ главнымъ образомъ утомляетъ однообразіе, какъ символъ застоя и смерти, поэтому школа для успѣшности занятій постепенно вводитъ все больше и больше разнообразія. Умственный застой и нравственное одичаніе страшны и въ жизни, а въ школѣ они совсѣмъ неумѣстны. Всякій преподаватель принимаетъ на себя обязанность быть бдительнымъ стражемъ того маяка, который зовется просвѣщеніемъ, а законоучитель въ этомъ отношеніи призванъ къ наибольшей бдительности и къ испытанію всѣхъ средствъ воспитанія для выбора наилучшихъ.

О методахъ преподаванія Закона Божія.

Ко всякой опредѣленной цѣли ведетъ множество различныхъ путей, и всѣ они имѣютъ различную цѣнность по своей краткости или по своей легкости.

Обученіе дѣтей закону Божію въ школѣ имѣетъ свою опредѣленную цѣль, а потому и можетъ достигаться различными дорогами. Путь изысканія истины въ наукѣ и путь воздѣйствія истины и добра на людей посредствомъ наученія, подражанія и примѣра называются методами. Относительно права на существованіе научныхъ методовъ изслѣдованія явленій никто никогда не сомнѣвался, но наука о преподаваніи предметовъ школьнаго обученія только въ сравнительно недавнее время отбсвала себѣ мѣсто въ ряду другихъ областей человѣческаго знанія. Относительно же выработки методовъ преподаванія закона Божія въ школѣ и до сего времени слышатся, если не особенно убѣдительные, то по крайней мѣрѣ настойчивыя возраженія со стороны законоучителей и преподавателей закона Божія. Главнымъ возраженіемъ противъ необходимости существованія особыхъ приемовъ и путей религіозно-нравственнаго обученія служитъ ссылка на старину, когда вообще христіане и главнымъ образомъ русскіе православные учились безъ всякихъ методикъ, а между тѣмъ были несравненно выше по своему религіозному и нравственному состоянію, сравнительно съ христіанами нашего времени. Спорить относительно большаго проникновенія началами христіанства людей прошлыхъ вѣковъ бесполезно, такъ какъ всеобщая и русская церковная исторія показываютъ совершенно обратное. Въ жизни прошлаго поклонники старины указываютъ на сонмъ святыхъ подвижниковъ, но эти подвижники прославлены не при своей жизни, а послѣ своей кончины. Сказать, что среди насъ нѣтъ праведниковъ, рискованно. Въ свое время нѣкто сказалъ митрополиту Филарету Московскому, по поводу одного несогласія съ нимъ: «Вы не Митрофаній, и я не Петръ».

На это Филаретъ спокойно отвѣтилъ: «Что вы не Петръ (Великій), это извѣстно всему свѣту, а что я не Митрофаній, это извѣстно только Господу Богу». Поэтому хулить нашъ вѣкъ, и утверждать, что среди насъ нѣтъ праведниковъ, несправедливо. При этомъ необходимо имѣть виду, что «не та страна умна, гдѣ есть умные люди или гдѣ много умныхъ людей, но та, гдѣ умъ есть достояніе всей земли» (Хомяковъ), и не та страна нравственна, гдѣ есть святые люди, или даже гдѣ много святыхъ людей, а гдѣ святость и праведность есть обычное явленіе. Вѣдь въ іудейской странѣ жилъ самъ Святѣйшій Спаситель, жили святые апостолы, но отъ этого всѣ іудеи не могутъ называться святыми, и время господства книжниковъ и фарисеевъ не можетъ быть признано образцомъ для всѣхъ временъ и народовъ.

Ссылка на отрицаніе христіанствомъ необходимости лучшихъ приемовъ обученія вѣрѣ и нравственности является плодомъ незнанія этой стороны исторіи христіанской церкви. «Христіанство сообщило воспитанію и образованію сильныя импульсы къ новой постановкѣ образовательнаго дѣла, въ смыслѣ его широты, глубины и цѣльности. Мѣсто традиціи школьной заступило исканіе новыхъ путей въ постановкѣ учебныхъ предметовъ, путей, отвѣчающихъ наилучше идеѣ индивидуализаціи воспитанія и образованія, идеѣ ально-религіозному взгляду на знаніе и образованіе, и идеѣ воспитывающаго обученія.» (П. Соколовъ. Исторія педагогич. системъ, 1913 г., стр. 60.) Такъ напр., св. Іоаннъ Златоустъ ясно говоритъ о необходимости для воспитателя приспособляться къ пониманію воспитанника, къ его слабымъ еще силамъ. «Высшее искусство воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы сперва спуститься до пониманія воспитываемаго, а потомъ уже возвышать его». Образецъ этого снисхожденія Златоустъ видѣлъ въ примѣрѣ Іисуса Христа, который снисшелъ до человечества, чтобы возвести его до Божества. (Тамъ же, стр. 65). Всѣ выдающіеся отцы и учителя церкви христіанской оставили послѣ себя довольно опредѣленные взгляды на объемъ и способы обученія христіанскихъ дѣтей, при чемъ далеко не послѣднее мѣсто въ этихъ взглядахъ занимаютъ вопросы чисто методическаго характера ¹⁾).

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ можно прочитать въ книгѣ Н. Миролубова Педагогическія воззрѣнія святыхъ отцовъ и учителей церкви. Харьковъ. 1900 г.

Блаженный Августинъ составилъ спеціальныи педагогическiй трактатъ по закону Божію *О наставленіи начинающихъ*, въ которомъ ояъ требуетъ при оглашеніи и вообще при первоначальномъ обученіи примѣненія наглядности и старается все первоначальное преподаваніе основать на разсказахъ священной исторіи, «чтобы преподаваніе было интереснымъ для дѣтей и поддерживало въ нихъ веселое настроеніе». (Миролюбовъ, указ. соч., стр. 89). Монахи византійскихъ монастырей, занимавшіеся обученіемъ дѣтей, примѣняли въ своихъ занятіяхъ картины священной исторіи, географическія карты и планы священныхъ мѣстностей. Эти старинные законоучители не пренебрегали указаніями святыхъ отцовъ и учителей и развивали намѣченные ими способы преподаванія. Поэтому ссылки на отсутствіе особыхъ правилъ и приемовъ преподаванія закона Божія могутъ быть справедливы только относительно старинной Руси. Но каковы были результаты такого самороднаго преподаванія закона Божія русскими мастерами, объ этомъ ясно говорятъ дѣянія Стоглаваго собора. Хвалить же пороки, указанные послѣднимъ, значить становиться по ту сторону добра и зла.

Представители первыхъ вѣковъ христіанства внесли духъ живой въ классическую методику преподаванія и дали примѣръ законоучителямъ всѣмъ вѣковъ идти въ разработкѣ наилучшихъ методовъ воспитывающаго обученія впереди всѣхъ другихъ преподавателей, а не надѣяться только на вдохновеніе во время самаго хода урока, примѣняя на немъ тѣ самые приемы, какіе остались въ памяти у законоучителя отъ его собственныхъ годовъ ученія.

Необходимо однако замѣтить, что самое понятіе метода преподаванія закона Божія не выработано точно въ руководствахъ по этому предмету. Что одни составители методикъ закона Божія называютъ методами, то другіе означаютъ терминомъ системы преподаванія. Это различіе зависитъ отъ стремленія отождествить учебные методы съ научными. Въ наукѣ примѣняется два общихъ всякому знанію метода-синтетическiй и аналитическiй. Сущность синтетическаго метода въ наукѣ состоитъ въ переходѣ отъ частнаго къ общему, а аналитическаго — въ обратномъ. Въ научномъ изслѣдованіи истины оба эти метода постоянно чередуются и служатъ способомъ взаимной провѣрки. Въ преподаваніи же учебнаго предмета эти методы могутъ дать только общее указаніе относительно введенія дѣла. Эти методы широки по объему, но слишкомъ малы

що содержавію, и не указывають въ должнѣй мѣрѣ того пути, по которому должно слѣдовать правильное преподаваніе закона Божія на разныхъ ступеняхъ обученія.

Поэтому для лучшаго руководства въ постановкѣ преподаванія закона Божія приемы, называемые нѣкоторыми педагогами системами расположенія матеріала, трактуются какъ методы преподаванія. Мы лично полагаемъ, что стремленіе различить систему отъ метода преподаванія едвали вызывается необходимостью, такъ какъ въ практикѣ школьнаго дѣла методомъ называется планъ, порядокъ или согласованіе извѣстнаго матеріала, ради достиженія намѣченной цѣли. Гдѣ законъ Божій принимаетъ форму науки, въ видѣ отдѣльныхъ богословскихъ дисциплинъ, тамъ умѣстно говорить объ аналитическомъ и синтетическомъ методахъ выясненія истины, но по отношенію къ курсу начальной школы анализъ и синтезъ могутъ быть названы только по излишнему желанію отождествить учебный предметъ элементарнаго курса съ чистой наукой.

Для примѣра такого насильственнаго приложенія названій научныхъ методовъ къ прохожденію курса закона Божія удобно привести маленькую выдержку изъ книги В. Давыденко *Основныя начала религіозно-нравственнаго воспитанія*.

«Молитвы и катихизисъ должны быть изучены только по аналитическому методу. Катихизисъ православной церкви выходитъ изъ общаго положенія (какого?) и раздѣляется сначала на три части: *вѣра, надежда, любовь*. Каждая изъ сихъ частей, напр., *вѣра* подраздѣляется на двѣнадцать членовъ. Каждый членъ разсматривается отдѣльно и въ свою очередь подраздѣляется на свои составныя части. Такъ, напр., въ девятомъ членѣ символа вѣры *О церкви* выдѣляются понятія церкви единой, святой соборной и апостольской. Что касается ученія о богослуженіи и священной исторіи, то они могутъ быть изложены и усвоены только по синтетическому методу. Въ священной исторіи изложеніе идетъ отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ историческихъ событій къ общему выводу о томъ, какъ Божественное промысленіе руководило подготовленіемъ рода человѣческаго къ принятію Спасителя. Дѣти младшаго возраста должны быть подготовляемы по синтетическому методу, дѣти старшаго возраста—по аналитическому». Не трудно замѣтить, что въ приведенныхъ словахъ г. Давыденко нѣтъ ничего общаго съ понятіемъ о научномъ методѣ синтеза и анализа, выведенія

закона изъ постоянства явленій и подведенія отдѣльныхъ явленій подъ опредѣленное дѣйствіе закона. И потому введеніе въ методику преподаванія закона Божія названій указанныхъ методовъ представляетъ собою неестественную натяжку.

Большинство педагоговъ согласно въ примѣненіи къ дѣлу законоучительства трехъ методовъ-поступательнаго, совмѣстнаго и концентрическаго, которые при желаніи, безъ ущерба для дѣла, можно называть системами расположенія учебнаго матеріала. Всѣ эти три метода въ извѣстныхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ уровню духовнаго развитія дѣтей въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, а потому всѣ три метода могутъ быть примѣняемы въ различныхъ случаяхъ.

По методу поступательному всѣ отдѣлы курса начальной школы по закону Божію, т. е. молитвы, священная исторія, краткій катихизисъ, объясненіе богослуженія и начальныя свѣдѣнія по церковной исторіи преподаются отдѣльно, одинъ послѣ другого. Въ первомъ отдѣленіи отводится время для прохожденія священной исторіи, во второмъ и третьемъ—для повторенія священной исторіи и для полученія начальныхъ свѣдѣній по церковной исторіи и богослуженію и въ четвертомъ для прохожденія катихизиса. Молитвы заучиваются чрезъ простое повтореніе ихъ. Сущность поступательнаго метода заключается не въ томъ, что одинъ предметъ слѣдуетъ за другимъ, въ томъ или иномъ порядкѣ, но въ полной отрѣшенности одного предмета отъ другого, отсутствіи органической связи между ними. Такъ напр., не смотря на видимую связь нѣкоторыхъ молитвъ съ рассказами изъ священной исторіи, онѣ заучиваются только съ краткимъ объясненіемъ непонятныхъ словъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, что всякое историческое объясненіе внутренняго смысла той или иной молитвы должно выступать за предѣлы изучаемаго предмета.

Изученіе закона Божія, сообразно поступательному методу, начинается прохожденіемъ курса священной исторіи ветхаго завета, въ томъ размѣрѣ, какой принятъ въ начальныхъ школахъ. Въ первомъ отдѣленіи проходитъ курсъ и новозавѣтной исторіи и заучиваются нѣкоторыя молитвы, путемъ простого многократнаго повторенія ихъ.

Наибольшее обоснованіе поступательный методъ получилъ въ программѣ закона Божія для церковныхъ школъ по положенію 1884 года и въ книгѣ прот. Благодрава *Опытъ методическаго по-*

собія для законоучителей церковныхъ школъ. Этотъ методъ генеалогически долженъ быть возведенъ къ блаженному Августину, рекомендовавшему историческое обученіе оглашаемыхъ, и дальше его взглядовъ на дѣло не пошелъ. Восточная церковь, слѣдуя примѣру св. Кирилла іерусалимскаго, въ основу христіанскаго обученія поставила прохожденіе катихизиса. Ту же практику впослѣдствіи усвоила и западная церковь. Сторонники поступательнаго метода указываютъ на слѣдующія его преимущества.

1. Поступательный методъ имѣетъ сходство съ постепеннымъ просвѣщеніемъ всего человѣчества истинами Божественнаго откровенія. Ветхій завѣтъ предшествовалъ новому. Такой путь необходимъ и для каждаго человѣка. 2. При этомъ методѣ ветхозавѣтное ученіе prepares ученика къ пониманію ученія новозавѣтнаго. Ветхозавѣтная исторія представляетъ собою исторію дѣтства человѣчества и знакомитъ съ основными, элементарными чертами ученія о вѣрѣ и благочестіи. 3. На разказахъ изъ ветхаго завѣта вырабатывается языкъ учащихся, которымъ прилично излагать событія новозавѣтныя. 4. При этой методѣ вниманіе учащихся сосредоточивается только на одномъ предметѣ или на одной сторонѣ, а само преподаваніе носитъ характеръ систематичности и округленности въ каждомъ отдѣльномъ годѣ ученья.

Нельзя сказать, что соображенія сторонниковъ поступательнаго метода преподаванія закона Божія въ начальной школѣ совершенно безспорны и очевидны. Самое первое доказательство превосходства метода поступательнаго предъ всѣми прочими—его сходство съ постепеннымъ просвѣщеніемъ Божественнымъ откровеніемъ всего человѣчества, для преподавателя, интересующагося психологіей дѣтскаго возраста, неубѣдительно. Развитие первобытнаго человѣка и развитие каждаго отдѣльнаго ребенка не одинаково. Утвержденіе торжественности развитія рода и развитія особи уместно въ устахъ матеріалистическаго мониста, но не православнаго педагога, такъ какъ законъ совпаденія филогенезиса съ онтогенезисомъ даетъ больше исключеній, нежели правилъ. Для правильности постановки преподаванія необходимо изученіе психологіи дѣтей, а не первобытныхъ народовъ. Это общее требованіе, предъявляемое ко всякому методу преподаванія, принималось во вниманіе еще педагогами первенствующей христіанской церкви и принесло свои плоды истинному просвѣщенію.

Соображеніе о подготовкѣ языка учащихся на ветхозавѣтной священной исторіи къ новому завѣту содержитъ въ себѣ значительную закваску фарисеевъ и раввиновъ, запрещавшихъ произнесеніе имени Іеговы, искавшихъ чудотворное имя Божіе и вообще преклонявшихся предъ буквой закона до забвенія о его духѣ. Нельзя забывать, что самъ Спаситель міра возвѣстилъ свое благовѣстіе на нарѣчій галилеянъ, а не на литературномъ священномъ языкѣ іудеевъ. Сохраненныя евангелистами немногія подлинныя выраженія Іисуса Христа, оставленныя въ евангеліяхъ безъ перевода, ясно свидѣтельствуютъ объ употребленіи Господомъ чисто народныхъ выраженій. Нельзя отказать въ вѣрности утвержденія о систематичности курса, проходимаго по поступательному методу и объ округленности содержанія этого курса. Но эти качества только въ томъ случаѣ являются имѣющими положительное значеніе, когда законъ Божій проходитъ въ видѣ подробнаго изученія всѣхъ его отдѣловъ. Въ средней школѣ поступательный методъ умѣстенъ и плодотворенъ, но для низшей онъ непримѣнимъ, такъ какъ кромѣ положительныхъ сторонъ имѣетъ и значительное количество отрицательныхъ. Одинъ изъ труженниковъ по наилучшей постановкѣ начальнаго преподаванія закона Божія, епископъ Викторинъ, въ семидесятихъ годахъ прошлаго вѣка отмѣтилъ въ печати грустный фактъ полнаго незнакомства дѣтей школьниковъ съ исторіей земной жизни Іисуса Христа. На вопросъ преосвященнаго сказать что нибудь о жизни Спасителя міра ученики второго и даже третьяго отдѣленія отвѣчали неизмѣнно. «Мы этого еще не учили». Преосвященный спрашивалъ далѣе: «Что же вы учите?» Ученики отвѣчали: «Мы учимъ о снахъ Фараона». Ученикъ, пробывшій въ школѣ въ теченіе года и незнающій ничего объ Іисусѣ Христѣ, по поступательному методу явленіе вполне естественное, и повиненъ въ такомъ незнаніи не ученикъ, не учитель, не предметъ ученія, а единственно методъ преподаванія. Непригодность его въ полномъ объемѣ признана въ настоящее время и самими защитниками его. Поступательный методъ рекомендовался программами 1884 года для церковныхъ школъ, но программы для тѣхъ же школъ, изданныя въ 1902 году, разработаны подробно на иныхъ началахъ.

Въ отдѣльныхъ частяхъ курса закона Божія поступательный методъ умѣстенъ, но съ значительными отступленіями и поправками, о чемъ удобнѣе говорить при разсмотрѣніи приѣмовъ прохожденія каждой отдѣльной части курса закона Божія.

Совмѣстный методъ преподаванія состоитъ въ одновременномъ прохожденіи всѣхъ отдѣльныхъ частей курса закона Божія, сообразно ихъ естественной или искусственной связи. При этомъ методѣ одинъ изъ предметовъ принимается за основаніе и проходитъ въ порядкѣ ли постепенности или въ порядкѣ подбора матеріала по годамъ обученія, а прочіе отдѣлы курса присоединяются къ этому основному предмету. Такъ напр., рассказывая о сотвореніи міра, законоучитель говоритъ о первомъ членѣ символа вѣры, о началѣ всенощнаго бдѣнія и призываніи въ молитвѣ Господней. При разсказѣ объ освященіи седьмого дня недѣли говорится о четвертой заповѣди закона Божія, о первомъ прошеніи молитвы Господней и о христіанскомъ богослуженіи вообще.

Совмѣстный методъ преподаванія закона Божія составляетъ изобрѣтеніе неизвѣстнаго голландскаго педагога, выпустившаго въ 1704 году „*Катихизисъ или наставленіе въ христіанской вѣрѣ*“. Въ катихизисѣ догматическія и нравственныя истины изложены въ связи съ библейской исторіей (Ширскій. О преподав. Закона Божія. Стр. 126). Совмѣстный методъ привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ педагоговъ и пользовался большою извѣстностью въ Германіи. Съ введеніемъ въ Россіи начальныхъ училищъ, подвѣдомыхъ общему учебному начальству, совмѣстный методъ преподаванія закона Божія пробилъ себѣ путь и въ русскую школу.

Главными труженниками по разработкѣ этого метода для русскихъ школъ были протоіереи Д. Соколовъ и І. Вѣтвѣницкій. Особенно ревностно насаждалъ этотъ методъ въ Россіи послѣдній. Его *Руководство къ преподаванію закона Божія для народныхъ школъ, городскихъ училищъ, дѣтскихъ пріютовъ и элементарныхъ занятій съ дѣтьми дома*, вышедшее первымъ изданіемъ въ 1872 году, пользовалось довольно большою извѣстностью и руководило занятіями болѣе вдумчивыхъ законоучителей. Оно служило пособіемъ при веденіи занятій по книжкѣ протоіерея Д. Соколова *Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ*, хотя и разнилось отъ нея въ подробностяхъ. О. Вѣтвѣницкій ставилъ на первый планъ прохожденіе священной исторіи, а Д. Соколовъ—катихизисъ. Но общая мысль о пригодности совмѣстнаго метода преподаванія въ школахъ закона Божія въ обоихъ руководствахъ была одинакова. Этотъ методъ имѣетъ свои достоинства и умѣстенъ при повтореніи всего курса закона Божія въ одномъ изъ

старшихъ отдѣленій школы, но въ примѣненіи къ изученію новаго матеріала онъ страдаетъ существенными недостатками, которые содѣйствовали уничтоженію этого метода въ школьной практикѣ.

1. Онъ ставитъ предметы преподаванія, относящіеся къ закону Божію, въ ложныя, несвойственныя имъ положенія. Каждый изъ этихъ предметовъ имѣетъ свое содержаніе, свои опредѣленныя цѣли, съ которыми и должно сообразоваться въ преподаваніи закона Божія. Но эти цѣли невыполнимы, когда одинъ изъ предметовъ ставится, такъ сказать, въ положеніе хозяина въ домѣ, а всѣ другіе предметы занимаютъ въ немъ временныя помѣщенія.

2. Онъ ставитъ дѣтей въ ложныя, несвойственныя имъ отношенія къ предметамъ преподаванія. Священная исторія, при совмѣстномъ методѣ, излагается не въ видѣ отдѣльныхъ, вполне законченныхъ рассказовъ, а въ видѣ философскаго обзрѣнія событій, что совершенно противорѣчитъ воспитательному значенію священной исторіи, какъ предмета, который дѣйствуетъ не столько на память и вообще на умственную сторону воспитанниковъ, сколько на ихъ воображеніе и на нравственныя желанія и чувства. Послѣдовательность изложенія вѣроученія, нравоученія, исторіи и богослуженія исчезаетъ, и весь пройденный матеріалъ остается въ головахъ учениковъ въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ лоскутковъ. Заучиваніе молитвъ разбрасывается по всему курсу, и связь ихъ съ рассказами изъ священной исторіи устанавливается насильственнымъ искусственнымъ путемъ.

3. Ставя предъ учителемъ и ученикомъ разнообразныя задачи, совмѣстный методъ затрудняетъ усвѣшность обученія. Стремясь одновременно къ разнымъ цѣлямъ, преподаваніе не достигаетъ ни одной, и ученики получаютъ очень мало пользы и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи.

4. Изучая одновременно всѣ истины вѣроученія и нравоученія при прохожденіи новаго матеріала изъ всѣхъ отдѣловъ курса закона Божія, ученики постоянно переходятъ отъ одного неизвѣстнаго къ другому неизвѣстному. Такъ напр., для учениковъ совершенно непонятно объясненіе пророчествъ и прообразовъ объ Иисусѣ Христѣ до знакомства съ священной исторіей новаго завѣта, и имъ приходится сначала заучить самое объясненіе, а потомъ перейти къ объясняемому. Для пониманія смысла начала всеобщаго бдѣнія ученики должны сначала узнать порядокъ этого богослуженія, а

потомъ они могутъ уразумѣть, что это начало говоритъ нашему чувству о началѣ всего міра.

При повтореніи всего пройденнаго матеріала, когда знанія учащихся обобщаются и суммируются, приводятся въ извѣстную систему, совмѣстный методъ даетъ добрый плодъ, но при разработкѣ новаго матеріала онъ безусловно не примѣнимъ. И нужно сказать, что въ настоящее время онъ почти совершенно забытъ законоучителями.

Лично я учился въ начальной школѣ по книгѣ прот. Д. Соколова *Начальное наставленіе*, и эта книга никогда среди учащихся не была любимой. Мы ее учили по необходимости, но никогда не читали по желанію, хотя *Родное слово* Ушинскаго, *Нашъ другъ* барона Корфа и книгу для чтенія Паульсона знали наизусть. Но съ нами въ то время не считались и заставляли учить скучное *Наставленіе*, потому что «такъ нужно». Въ этой отдаленности учебника отъ учениковъ отчасти былъ повиненъ книжный языкъ *Наставленія*, нисколько не приспособленный къ пониманію дѣтей, отчасти самая совмѣстная метода.

Сущность концентрическаго метода заключается въ такомъ распредѣленіи учебнаго матеріала, при которомъ всѣ предметы преподаются отдѣльно, но съ соблюденіемъ внутренней связи между ними. При концентрическомъ методѣ каждый годъ обученія имѣетъ свою совершенно законченную программу, въ которую входятъ всѣ отдѣлы курса закона Божія, съ постепеннымъ расширеніемъ по содержанію. Одинъ изъ предметовъ является въ извѣстномъ отдѣленіи главнымъ, а прочіе входятъ въ преподаваніе лишь небольшими частями. Число законченныхъ круговъ при этомъ методѣ равно числу лѣтъ ученія въ школѣ. Въ первый годъ сообщаются дѣтямъ наиболѣе существенныя свѣдѣнія, во второмъ и третьемъ отдѣленіи расширяются и въ послѣднемъ завершаются во всей доступной для начальной школы полнотѣ. Такъ напр., на первомъ году обученія по концентрическому методу сообщаются дѣтямъ изъ катихизиса начальныя свѣдѣнія о Богѣ, о нѣкоторыхъ Его свойствахъ, о необходимости и значеніи молитвы для человѣка, о душѣ, о грѣховности людей и мздовоздаяніи за гробомъ, объ ангелахъ и въ частности объ ангелахъ-хранителяхъ, о спасеніи въ Иисусѣ Христѣ. Изъ священной исторіи—о сотвореніи міра и человѣка, о грѣхопадении людей и его нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ, объщаніе

о Спасителѣ міра, исполненіе этого обѣщанія, рождество Іисуса Христа, Его земная жизнь, крестныя страданія, воскресеніе, вознесеніе на небо, сошествіе Св. Духа, исторія жизни Богоматери, знакомство съ дванадцятьми ираздниками. Изъ богослуженія—о крестномъ знаменіи, о перстосложеніи, о поклонахъ, о благословеніи священника, о говѣннiи и исповѣди, о причащеніи Св. Таинъ. Перечисленныя свѣдѣнія на первомъ году обученія являются приходящими, хотя и необходимыми и сообщаются дѣтямъ не попутно съ какимъ либо другимъ предметомъ. Но главнымъ центромъ всего начальнаго курса перваго отдѣленія школы служитъ изученіе и объясненіе наиболѣе употребительныхъ молитвъ, указанныхъ въ программѣ.

На второмъ году центральнымъ предметомъ служитъ священная исторія, а къ ней присоединяются по внутренней связи молитва Господня, десять заповѣдей, заповѣди о блаженствахъ, заучивается символъ вѣры и повторяются молитвы, заученныя въ младшемъ отдѣленіи.

Такимъ образомъ въ обоихъ отдѣленіяхъ при одномъ центральномъ предметѣ проходятся и другіе отдѣлы курса начальной школы, съ расширеніемъ содержанія во второмъ сравнительно съ первымъ отдѣленіемъ.

Сообразно послѣдовательному проведенію концентраціи во всѣхъ отдѣленіяхъ матеріалъ подобнымъ же образомъ разработывается и въ прочихъ двухъ отдѣленіяхъ начальной школы, хотя мы лично находимъ болѣе удобнымъ два послѣднихъ отдѣленія вести нѣсколько иначе, а именно—краткія свѣдѣнія изъ церковной исторіи проходятся поступательно, а объясненіе богослуженія и катихизисъ—посредствомъ примѣненія метода совмѣстнаго. Примѣненіе этого метода въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ представляется удобнымъ потому, что новыя свѣдѣнія для дѣтей поясняются прежними, уже извѣстными. Всѣ знанія, приобрѣтаемыя въ годы ученія систематизируются, обобщаются и дѣлаются собственнымъ достояніемъ дѣтей.

Главнымъ защитникомъ концентрическаго метода въ русской педагогикѣ явился прежде всего С. И. Ширскій, составившій наиболѣе полную и наиболѣе теоретически разработанную методику закона Божія, на основаніи главнымъ образомъ нѣмецкихъ методистовъ. Продолжителемъ и наиболѣе яркимъ защитникомъ принятаго Ширскимъ метода служитъ Аѳ. Соколовъ, разработавшій си-

стему своего предшественника и выяснившей ее практическимъ приложеніемъ къ дѣлу. Въ методикѣ Ширскаго наиболѣе слаба часть практическая, такъ какъ самъ г. Ширскій былъ не учителемъ, а чиновникомъ духовнаго вѣдомства и по дѣлу народнаго образованія онъ былъ лишь чуткимъ кабинетнымъ теоретикомъ.

Но необходимо замѣтить, что ни одного учебника закона Божія, составленнаго по концентрическому методу, въ числѣ допущенныхъ къ употребленію въ школахъ не значится. Вслѣдствіе этого законоучители-практики съ тоской спрашиваютъ другъ друга: «Что это за концентрическій методъ, о которомъ говорится въ объяснительной запискѣ къ преподаванію закона Божія въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»? Спрошенный кромѣ скромнаго отвѣта—«Не знаю и самъ» ничего не можетъ отвѣтить спрашивающему. По теоріи выходитъ, что въ школахъ церковно-приходскихъ преподаваніе закона Божія должно вестись по поступательной методѣ, какъ это было указано въ объяснительныхъ запискахъ 1884 года, а въ земскихъ и городскихъ—по концентрической, какъ это значится въ программахъ и объяснительныхъ запискахъ 1897 года. Но на дѣлѣ этого не получается. Въ 1902 году программы церковныхъ школъ были исправлены и подробно разработаны для младшаго отдѣленія концентрическимъ методомъ, но учебниковъ для веденія по нему дѣла указано не было, а въ качествѣ руководства рекомендуется по прежнему книжка протоіерея Благонравова, заключающая въ себѣ рѣзкое осужденіе концентрическому методу и усиленно защищающая поступательную методу преподаванія словами старой программы и длинными выписками изъ статей протоіерея П. И. Соколова.

Такимъ образомъ законоучители, т. е. главные дѣятели въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго образованія народа, только разводять руками относительно лучшей постановки закона Божія и приходятъ къ заключенію объ излишествѣ всякихъ методовъ для законоучителя. Отъ такой путаницы преподаванія закона Божія дѣло страдаетъ, но не по винѣ мѣстныхъ тружениковъ.....

Концентрическій методъ принятъ въ преподаваніи всѣхъ предметовъ начальной школы и даетъ добрые плоды. Не можетъ составлять исключенія въ этомъ отношеніи и законъ Божій, какъ учебный предметъ. А потому этотъ методъ имѣетъ для младшаго и отчасти для втораго отдѣленія несомнѣнныя преимущества предъ поступательнымъ и совмѣстными методами.

Каждый христіанинъ долженъ знать о своемъ Спасителѣ, о своей религіи и культѣ ея. Это знаніе должно считаться наиболѣе важнымъ въ жизни человѣка и потому преподается въ самомъ раннемъ возрастѣ. Пусть ученикъ перваго отдѣленія начальной школы не знаетъ сновъ фараона, но ему необходимо знать исторію жизни Иисуса Христа, хотя бы ученикъ пробылъ въ школѣ не болѣе года. Даже если онъ проучился нѣсколько недѣль, пусть онъ знаетъ, что Христосъ есть Господь, нашъ Спаситель, что мы, христіане, отъ Него и получили свое имя. Сначала знаніе предлагается въ самыхъ краткихъ чертахъ, составляетъ введеніе въ христіанство, но пусть оно будетъ главнымъ. Концентрическій методъ и даетъ возможность просвѣтить дѣтей свѣтомъ евангелія, душу ихъ согрѣть любовію креста, сердце очистить словомъ Божиимъ, начиная съ самыхъ первыхъ дней ученія въ школѣ. Въ этомъ первое преимущество концентрическаго метода предъ поступательнымъ. Идя постепенно, ученики перваго отдѣленія едва смогутъ осилить въ теченіе года ветхій завѣтъ, плохо понимая исторію завоеванія земли ханаанской, раздѣленія царства еврейскаго на іудейское и израильское, плѣненіе іудеевъ и другія исторіи, интересныя и назидательныя лишь въ широкомъ историческомъ масштабѣ и трудно понимаемыя даже послѣ цѣлаго года школьнаго ученія. Попутно и практически дѣти могутъ заучить славянскій текстъ молитвъ, но при поступательномъ методѣ всѣ обращенія къ Господу Иисусу Христу, къ Пресвятой Богородицѣ и къ святымъ останутся совершенно непонятными словами. Произнесеніе ихъ дѣтьми останется мѣдью звѣнящей и не растрогаетъ ничего чувства, не вырветъ слезъ ни у кого.

Школьная практика съ очевидностью говоритъ, что большинство учащихся дальше втораго отдѣленія школы не идетъ и довольствуется лишь знаніемъ грамоты и письма. Винить въ такомъ печальномъ явленіи можно лишь народную бѣдность, такъ какъ въ оставленіи школы ранѣе даже малаго трехъ или четырехгодичнаго срока неповинны ни дѣти, ни родители ихъ. Проучившійся одинъ годъ ребенокъ выходитъ изъ школы, при поступательномъ методѣ, съ знаніемъ только сновъ фараона, не имѣя почти никакого понятія о главнѣйшихъ истинахъ вѣры и нравственности и не имѣя въ душѣ величайшаго примѣра правды и любви въ лицѣ воплотившагося Господа.

Пренебрегать этимъ выходомъ дѣтей изъ школы до окончанія курса, какъ это допускаютъ защитники поступательнаго метода,

нельзя. Пренебреженіе къ нуждамъ народа похоже на презрѣніе къ невѣдущимъ законъ со стороны враговъ Христовыхъ, называвшихъ народъ людьми проклятыми. Ссылаться при этомъ на невозможность составленія безчисленнаго количества концентровъ ради учащихся въ теченіе одной недѣли, одного мѣсяца и т. д. также не приходится, хотя было бы не бесполезно составленіе концентровъ по меньшей мѣрѣ на полгода, какъ это практикуется въ американскихъ школахъ, гдѣ классы мѣняются не черезъ годъ, а черезъ полугодіе, и не успѣвшій за товарищами остается на повторительный курсъ лишь на полгода, а въ нѣкоторыхъ школахъ только на три мѣсяца. Но о такихъ удобствахъ у насъ говорить преждевременно. Да и составлять большое число концентровъ для учениковъ начальной школы не приходится. Учащійся одинъ годъ можетъ считаться настоящимъ питомцемъ школы, а пробывшій въ ней лишь одинъ мѣсяць въ расчетъ приниматься не долженъ.

При веденіи преподаванія по концентрическому методу первый годъ является основаніемъ, связаннымъ единствомъ съ дальнѣйшими годами обученія, и потому весь матеріаль укрѣпляется въ сердцѣ и въ разумѣ дѣтей основательнѣе и можетъ оказаться плодотворнѣе усвояемаго безъ всякой связи.

При занятіяхъ по поступательному методу въ первый годъ обученія дѣти и ихъ родители совершенно не понимаютъ, какое отношеніе къ жизни можетъ имѣть для христіанина знаніе исторіи Навуходоносора или Ахава съ его поклоненіемъ Ваалу въ то время, когда дѣтямъ ничего не сообщается о необходимо нужномъ для угожденія Богу и для спасенія души. При совмѣстномъ методѣ, хотя эти свѣдѣнія и могутъ быть даны, но въ видѣ какихъ то примѣчаній, пояснительныхъ словъ и попутныхъ объясненій. Такое преподаваніе не затрогиваетъ ни познавательной, ни другихъ способностей учащихся и потому приноситъ имъ очень незначительную пользу.

Защитники концентрическаго метода приводятъ и еще нѣсколько соображеній относительно удобствъ и полезности его, но и приведенныя соображенія въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ значеніе названнаго метода.

Есть въ немъ нѣкоторое затрудненіе для учащаго, но затрудненій не бываетъ только для тѣхъ, кто не хочетъ трудиться. При занятіяхъ по концентрическому методу къ каждому уроку въ пер-

вомъ отдѣленіи необходимо тщательное приготовленіе и полная продуманность всего учебнаго матеріала, съ планомѣрнымъ распределеніемъ его на весь годъ. Но нельзя забывать той истины, что ученику учиться тѣмъ легче, чѣмъ больше труда принимаетъ на себя наставникъ. Силы дѣтей слабы, а потому до нихъ необходимо снисходить и помогать дѣтямъ въ учебномъ дѣлѣ всѣми добрыми средствами, а не возбранять дѣтямъ приходить къ Спасителю міра.

Стремленіе педагоговъ къ усовершенствованію постановки преподаванія закона Бомія не новшество, а возвратъ къ доброму старому времени отцовъ и учителей церкви. Законоучитель, какъ и всякій преподаватель, замѣняетъ для дѣтей родителей, и къ нему исполнѣ примѣнимы слова апостола: отцы, не раздражайте дѣтей своихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ. (Ефес. 6, 4.). Задаваніе же уроковъ и спрашиваніе познаній отъ учениковъ, безъ всякихъ правилъ для воздѣйствія на дѣтей, безъ всякаго стремленія къ большому и большому облегченію ихъ трудовъ по усвоенію ими ученій и наставленій Господнихъ, можетъ быть названо раздраженіемъ, а не воспитаніемъ.

Но къ утѣшенію нужно сказать, что среди законоучителей стремленіе впередъ растетъ съ постояннымъ прогрессомъ, а съ ростомъ любви къ дѣлу возможно и его улучшеніе. Мракъ среди народа силенъ. Онъ еще болѣе сгущается отъ вліянія враговъ христіанства, но сила истины выше всѣхъ силъ, и побѣда за тѣми, кто стоитъ за правду и добро.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Религія въ школѣ и въ жизни	3—18.
Воспитательная сторона преподаванія Закона Божія .	19—32.
Жизненность уроковъ Закона Божія	33—48.
Вспомогательныя средства въ преподаваніи Закона Божія: 1. Картины, знакомство съ библейской географіей, рисованіе. 2. Литература, пѣніе, письменныя работы	49—81.
О методахъ преподаванія Закона Божія.	82—96.

